

ОБ ИМЕНИ РЮРИК

В данной публикации будут представлены мои исследования об имени Рюрик из книги «Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти» / Варяги и Русь. Сборник статей и монографий. М., 2015. С. 245-500.

Норманизм об имени Рюрик

Норманизм, т.е. система исторических взглядов, покоящаяся на трёх постулатах: о скандинавском происхождении летописных варягов, о Рюрике как вожде скандинавских отрядов – не то завоевателе, не то контрактнике (за 200 лет норманисты так и не договорились, кем же он был на самом деле!), и о древнескандинавском происхождении имени Руси – есть создание шведского политического мифа XVI – XVIII вв., который распространился в России, начиная с XVIII в. как модная новинка западноевропейской общественной мысли¹.

Трактовка древнерусских летописных имен как «скандинавских» – часть этого мифа. Основу данной трактовки составило увлечение эпохи готицизма, начиная с XVI в., определять нужную этническую принадлежность любого исторического лица через подгонку его имени к именослову соответствующей страны или к определенной языковой системе. Из шведской историографии известно, как основоположник шведского готицизма И.Магнус (1488-1544) переделывал имя героя сказаний о Троянской войне Телефа в шведского Елеффа, что позволяло, согласно логике готицизма, историю Телефа автоматически причислить к шведской истории. Один из творцов шведской гипербореады, т.е. шведской фантазии о том, что гипербореи античных мифов были прямыми предками шведов, Г.Штэрнхельм развивал мысли о том, что имя гиперборейского мудреца Авариса было испорченным шведским именем Эверт или Иварт, что должно было служить доказательством, что и Гиперборея была создана предками шведов.

Именно в ряду готицистского мифотворчества – от Магнусова Телефа-Елеффа и до Абариса-Эверта у творцов шведской гипербореады – стоят и «доказательства» шведского сановника и историка П.Петрея (1570-1622), учившего историю по И.Магнусу и из верноподданических чувств к королю Карлу IX подбросившего в 1614-1615 гг. шведскую историографию мысль о варягах из Швеции. Заявление Петрея не опиралось на какие-то вновь открытые источники, а явно родилось как плод внешнеполитической обстановки того времени. Эта обстановка

определялась, в частности, военным присутствием шведских войск в Новгороде, а также переговорами 1613 г. в Выборге о кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа на пустовавший московский престол. Влияние данных факторов на шведскую историографию первой половины XVII в. подробно раскрыто в работах В.В.Фомина²

П.Петрей в своей работе «История о великом княжестве Московском» использовал «этимологическое» препарирование имен и названий в духе готицизма. По примеру того, как у Иоанна Магнуса троянец Телефф с легкостью превращался в «шведа» Елеффа, а имя гиперборейского мудреца Авариса у Штэрнъельма оказывалось испорченными шведскими именами Эварта или Иварта, так и Петрей взял имя Рюрика и заявил, что оно испорченное шведское имя Erich, Frederich или Rodrich. Самое забавное, что все три имени есть заимствованные имена в шведском именослове! По этому же почину Петрей переделал Синеуса в Siman, а Трувора – в Ture.

Почти одновременно с Петреевой работой, но чуть раньше, что само по себе знаменательно, имя Рюрика появилось в сфальсифицированном официальном отчете шведской делегации после переговоров в Выборге 28 августа 1613 г. как Rurich («De Nougårdiske kunde bewijsa af sijne Historier, at the hafwe hafft ifrån Swerige en Storfurste benämndh Rurich»), в который ввели ложную запись о том, что сами новгородцы якобы помнили о князе Рюрике из Швеции. Но поскольку на переговорах велись и неофициальные записи, то из них мы смогли узнать, что на самом деле новгородцы ничего подобного не говорили, а рассказали, что был у них князь Рюрик от рода из Римской империи, и в этих записях имя Рюрика было зафиксировано как Rodoricus («...udaf det Romerske Rikedt benemd Rodoricus»). Таков был зачин будущего норманизма: фальсификат протокола и ненаучное сочинение доверенного лица шведского короля.

Через несколько десятилетий в исторической фантазмагории шведского профессора медицины О.Рудбека «Атлантиде» (три основные части её были изданы в 1679–1698 гг.) были собраны воедино все исторические химеры, созданные историозодчеством готицизма и шведской гипербореады. Основной мыслью рудбековской «Атлантиды» было стремление «обосновать» основоположничество шведов с древнейших времён в историях большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры, в том числе, древнегреческой, скифской и древнерусской. В этой связи развивает Рудбек и мысль о варягах из Швеции, подброшенную в науку Петреем, источником вдохновения для которого была политика и шведская донаучная мифологизированная историография. Так, у Рудбека мы встречаем вымышленного короля от варягов-шведов (Waregis/Svenska) с Варгёна или Волчьего острова по имени Roderick или Rörick Varg (Рёрик Волк), которого Рудбек уже без всяких сомнений записал в шведы,

поскольку своими первыми королями русские считали тех, кто пришёл с острова, Варгёна, а Варгён находился по другую сторону Балтийского моря, то по глубокомыслию Рудбека, это могла быть только Швеция.

«Атлантида» Рудбека запустила маховик «научных» обоснований древних корней шведского владычества в России через доказательство шведского происхождения варягов. Первыми среди этих «теоретиков» были лундский профессор Арвид Моллер (1674-1758) и профессор из Обо Альгот Скарин (1684-1771). Основным источником для их диссертаций являлась «Атлантида» Рудбека и весь ее фантомный гигантизм, который мыслился как реальная история древней Швеции.

«Этимологии» придавалось большое значение, что было естественным, поскольку фактов-то не было. И разумеется, с особой благородной вдумчивостью предподносились «этимологии» имен древнерусских князей. Для обоих авторов, как и для всех шведских последователей Рудбека было ясно априори, что летописные имена, конечно же, шведские. Сказал об этом Рудбек? Сказал! А Рудбека вся Европа знает! Подобрать только надо что-нибудь более или менее подходящее по созвучию. Моллеру представлялось, что шведский вариант Рюрика был Rörek или Roderik. У Скарин имя Рюрика выглядело как Roresum. Диссертации Моллера и Скарин уже напрямую связывают шведскую традицию мифологизации своей истории с Байером, поскольку статью «О варягах» он, в основе своей, скомпилировал из работ шведских авторов, в том числе, – из диссертаций Моллера и Скарин.

Уверенный в том, что имя Рюрик есть имя народа «скандинавского или датского», Байер перечислял такие варианты этого имени, как датский Рорик, как норвежский Грорекур или Рорекур, как Рорикр и Рурик «от гробовых камней», а также как Ругерик и Рогерик у немцев.

В XIX в. в работах А.А.Куника стала обозначаться и «этимология» для имени Рюрик. Рассуждая об имени Руси, Куник предложил возможную общую основу – готское слово *Hrōds* (от *hrōth* – слава), от которого, в том числе, возникло и имя *Rorik*. Филолог и славист А.С.Будилович развил догадку Куника о связи имени *русь* с древнегерманским словом **hrōþ-** *hrōð* – «слава». Блеск этой «славы» отразится впоследствии и на «этимологизировании» имени Рюрик, поскольку Будилович восстановил эту основу и в ряде личных имен, отметив, что в древнесеверном языке (проще говоря, в древнескандинавском) – *hrōðr* – слава сохранилась и в именах собственных *Hrǫaldr* от **Hrǫðvaldr*, в англосаксонском именованном от *hrēð* – слава, в таких именах, как *Hrǫðgar*, *Hrǫðmund*, *Hrǫðulf*, в древневерхненемецком – в личных именах *Hrōdulf* и *Hrōdigēr*³.

Но в общем и целом, как справедливо отмечал известный историк А.Г.Кузьмин, «интерпретация имен недалеко продвинулась со времени З.Байера. Отыскание приблизительных параллелей обычно считается достаточным для доказательства норманского происхождения имени, хотя

эти имена не имеют в германских языках, как заметил еще М.В.Ломоносов, "никакого знаменования". При этом даже не ставится вопрос: а откуда эти непонятные имена попали к германцам? Между тем параллели, и подчас с ясным значением, отыскиваются в других языках»⁴.

Ведущим специалистом по теме скандинавской этимологии древнерусских имен как доказательства скандинавского происхождения Рюрика с братьями является сегодня Е.А.Мельникова. Вот пример аргументации, приведенной в одной из ее статей, посвященных специально рассмотрению древнерусских княжеских имен: «...несомненным моментом является "варяжское", т.е. скандинавское происхождение Рюрика. Об этнической принадлежности прямо не говорится ни в одном из вариантов сказания... Однако упоминание того, что Рюрик приходит по приглашению послов, отправившихся "за море к варягам", достаточно убедительно свидетельствует об этом. На то же указывает и этимология имени *Рюрик (Hrærekr)*...»⁵.

Здесь видны основные «аргументы», обосновывающие «скандинавскую» принадлежность Рюрика, взятые прямо из Рудбека: географическая координата «за море к варягам» и этимология имени, при этом слово *варяжское* берется в кавычки (все-таки какое-то беспокойство это слово вызывает у норманистов), а слово *скандинавское* – без кавычек.

По поводу выражения «за море» Мельникова в указанной работе поясняет, что «летописные тексты не дают никаких оснований для определения места (региона), из которого Рюрик пришел в Приильмень. Не может быть твердой уверенности даже в том, заявляет она, что он был выходцем непосредственно из одной из Скандинавских стран, а не потомком скандинавов, переселившихся некогда, например, в Восточную Прибалтику или Юго-Западную Финляндию. Обычная ссылка на выражение "из-за моря" как на свидетельство того, что он был шведом (или норвежцем, или датчанином), вряд ли справедлива. Выражение "варяги из-за моря" в "Повести временных лет" встречается более 10 раз и носит устойчивый, формульный характер. Варяг, т.е. попадающий на Русь житель Скандинавских стран, приходит "из-за моря" по определению. Потому в каждом конкретном случае может не нести прямой смысловой нагрузки, а быть своего рода топосом»⁶.

Несмотря на оговорку о том, что летописные тексты не дают оснований для определения места, откуда был призван Рюрик, Мельникова совершенно категорично определяет это место как Скандинавский полуостров, поскольку Рюрик – варяг, а варяг у неё – «попадающий на Русь житель Скандинавских стран». Мельникова совместно с Петрухиным являются сегодня ведущими теоретиками в обосновании скандинавского происхождения летописных варягов. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что никаких конкретных доказательств ими не приводится. Да, собственно говоря, и не может быть приведено, поскольку все

постулаты норманизма проистекают из фантазийного ненаучного источника, одним из которых является «Атлантида» Рудбека (например, тиражируемое утверждение, что «из-за моря» значит из Швеции/Скандинавии, или этимологии имени Рюрик).

Аргументация норманистов относительно летописного выражения «за море к варягам» как якобы убедительного свидетельства о скандинавском происхождении Рюрика, не выдерживает критики.

Её надуманность при игнорировании источников прекрасно раскрыл В.В.Фомин. На многочисленных примерах из летописей он показывает, что термин «за море» определял собой на протяжении столетий нахождение земель, стран, народов и городов вне пределов русских земель и летописное «за море» не может быть аргументом при любой версии их этноса. Обозначая собой границу вообще, этот термин абсолютно лишен какой-либо конкретности⁷.

Обращение к источникам показывают, что летописное «из-за моря» означало часто и южнобалтийское побережье, как это было, в частности, в примере с приездом дочери Витовта княжны Софии в Москву «из-за моря, от немцев», что С.М.Соловьев комментирует как «т.е. из владений Ордена, где жил тогда Витовт». «Заморьем» мог быть Гданьск/Данциг относительно Пскова и Новгорода, т.е. практически, любая территория, с которой было морское сообщение. Поэтому фраза «из-за моря от немцев» косвенно подтверждает тот факт, что Рюрик был призван с южнобалтийского побережья, поскольку летописное «от варяг» явно было заменено в более поздних летописях на другое формульное выражение «от немец», в связи с образованием Ордена.

Таким образом, если исходный постулат о том, что «варяжское» – это есть «скандинавское», ничем не доказан, невозможно идти дальше и начинать рассуждать о скандинавской этимологии имени Рюрик.

Однако в вышеупомянутой статье об именах древнерусских князей Е.А.Мельникова, убежденная в том, что летописное «за море» указывает все-таки на Скандинавский полуостров, сообщает, что на скандинавское происхождение летописного князя указывает и этимология самого имени *Рюрикъ*, исходная форма которого, по ее убеждению, *Hrærekr* и является типичным древнескандинавским и древнегерманским именем: «Подавляющее большинство древнегерманских двухосновных личных имен ... по своей семантике являются, а генетически и восходят к хвалебным эпитетам ... Таковы, например, имена *Hrærekr* (*Hróðrekr*) – ”могучий славою”...»⁸.

При этом Мельникова ссылается на статью Г.Шрамма «Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie»⁹, в которой он, рассуждая об именах Рюрика, Синеуса и Трувора, определяет их как «три аутентичных скандинавских имени» или «три скандинавских оригинала», вошедших в ткань восточнославянского языкового развития. Пусть они звучат по-

славянски – как Рюрик, Синеус, Трувор – , но объясняться они должны, по убеждению Шрамма, исходя из фонетических особенностей северогерманского, вернее, древнешведского языка IX в. При этом же Шрамм сообщает, что «Рюрик – древнешведский эквивалент заимствованного общегерманского популярного имени Roderich. И это настолько ясно, с ликованием констатирует Шрамм, что антинорманисты до сих пор не могли предложить никакой альтернативы»¹⁰.

Насколько я знаю, в современной российской науке имя Рюрик особо и не обсуждалось как древнешведский эквивалент заимствованного общегерманского Родерик/Roderich¹¹, хотя как явствует из вышеприведенных примеров, такая форма имени Рюрика использовалась. Помимо этого, в канву норманистской аргументации при рассуждениях об имени Рюрик вплеталось там и сям слово «древнегерманское», но без погружения в детали. Замечание Шрамма представляется наиболее интересным из всего, что содержится в его статье, поэтому полагаю рассмотреть «общегерманское Родерик/Roderich» во всех подробностях.

Но прежде хочу привести примеры из работ шведских лингвистов, касающихся скандинавской антропонимики и конкретно анализа имени Рюрик.

Скандинавские лингвисты о скандинавских именованных и имени Рюрик

Относительно традиций имянаречения у народов скандинавских стран шведский исследователь скандинавского рунического наследия и именованных, сохраненного руническими надписями, Ассар Янцэн сообщал, что уже в глубокой древности акты имянаречения именем были связаны с религиозными ритуалами. У германцев вообще, напоминая он, имянаречение сопровождалось поливанием водой, т.е. было чем-то вроде языческого крещения, а также – подношением ребенку подарков. Вместе с тем Янцэн подчеркивал, что многие личные имена, сохранившиеся от викингского периода, трудны для понимания и толкования. Антропонимическая часть лексики подвержена под влиянием времени сильному «износу», именные компоненты, составлявшие изначально имя, могли настолько сократиться и упроститься, что имя изрядно меняло внешний вид.

Но даже в тех случаях, когда нам известно, из каких составных частей было построено имя, продолжал Янцэн, мы не можем быть уверенными в том, что его компоненты заключали какое-то общий смысл. Уже в первых веках нашей эры двучленные имена составлялись чисто механически, с помощью принципа варьирования, без особых мыслей о наделинии их в составе имени цельным содержанием. Поэтому при истолковании имен всегда есть риск произвольно наделинии конкретным

содержанием какое-либо имя, изначально, возможно, никакого логического содержания не имевшего, а просто отражавшего принцип повтора или варьирования отдельных именных компонентов. Особенно это касается старинных, вышедших из употребления имен. В этих случаях, обращает наше внимание Янцэн, даже если мы с определенной долей вероятности знаем, что компоненты, составившие имя, несли в себе определенное содержание, понять его некий общий смысл бывает сложно.

На эти слова Янцэна стоит обратить особое внимание, поскольку они наводят на мысль, что многие «истолкования» скандинавских имен у российских норманистов типа вышеприведенного ”могучий славой”, являются модернизированным фантазированием, не имеющим связи с раннесредневековой традицией имянаречения.

Но продолжу пересказ рассуждений Янцэна о специфике работы с раннесредневековыми скандинавскими именословами. Другая сложность, с которой сталкивается толкователь имен, писал Янцэн, состоит в том, что старейшие имена уходят своими корнями в древнейшие представления и мировоззренческие ценности. Личные имена отражают изменения в истории культуры народа, мир его представлений и т.д., а не являются простым фактом номинации. Мы думаем, что мы знаем достаточно хорошо духовный мир древних германцев, историю культуры и мифологию. Но многое в этой тематике дискуссионно и ненадежно. И в толковании имен, которые отражают старинные отношения, можно легко допустить ошибку. В наши дни толкование имен – часто результат дилетантских спекуляций. Толковать отдельные имена без обширного исследования других имен такого же типа и возраста, заранее обрекать себя на неудачу. Многие имена пришли в Скандинавию в период Великого переселения народов и, как правило, преобразовывались в соответствии с фонетическими особенностями скандинавских языков, приобретая облик местного скандинавского имени. Этому способствовало и сходство между различными ветвями германских языков. При определении того, скандинавское ли это имя или заимствованное, было допущено много ошибок. Если какое-либо имя найдено на древнескандинавском рунном камне, а в более позднее время не зафиксировано в Скандинавии, но встречается в других германских языках, то с большой долей уверенности можно сказать, что это имя для Скандинавии заимствованное. Оно может быть реликтом более древнего общегерманского антропонимикона, подчеркивает Янцэн¹².

Краткие выводы из рассуждений Янцэна, которые следует выделить особо, таковы: в двучленных скандинавских именах совсем не обязательно исходить из мысли, что обе его части объединены общим содержанием, имя могло быть скомпоновано, исходя из принципа наследования различных именных компонентов, при этом цель наполнить его общим содержанием не ставилась; имена уходят корнями в древнейшие верования

и культовые традиции, в мифологию; имена могут быть заимствованными, и это касается, в том числе, имен, обнаруженных на рунных камнях, при этом очень сложно бывает определить только по внешнему виду, скандинавское это имя или заимствованное, поскольку иноземные именные компоненты, адаптируясь к скандинавским произносительным нормам, значительно меняли свой внешний вид. За примерами далеко ходить не надо. С распространением христианства в скандинавских именованных компонентах появилось множество библейских имен. Некоторые из них были преобразованы, согласно нормам скандинавских языков. Например, библейское Laurentius получило сокращенную форму Lars, а библейское Nicolaus укоренилось как Nils. Казалось бы, что может быть по внешнему виду более скандинавским, чем Ларс или Нильс? А вот и эти имена оказываются заимствованными, измененными на скандинавский манер библейскими именами.

Другой известный шведский лингвист Карл Ивар Модеёр писал о том, что в германоязычных странах создавалась общая система именных элементов, которые в значительной степени относились к древнейшей сокровищнице антропонимического наследия. Такие элементы как *-björn*, *-borgh*, *-ger*, *-gisl* и др. имеют свои соответствия в древних английских и немецких именах. Поэтому древнешв. *Ødhger* содержит те же элементы, что и англо-саксонское *Eadgar*, древнешв. *Asmund* соответствует древненем. *Ansemund* и т.д. Какие-то из древнейших компонентов со временем исчезали, какие-то оставались. К началу исторически верифицируемого времени создалось ядро именных основ, унаследованных от древнегерманской традиции или даже из древнеиндоевропейского языка, а также сложился определенный способ их варьирования¹³. Архаичные двусоставные имена рассматриваются с учетом принципа варьирования, т.е. первая и вторая основы анализируются отдельно в составе того ряда имен, где они используются.

Интересующее нас имя Рюрик рассматривается в работах скандинавских лингвистов в форме *Hrørekr/Hrørikr* для древнеисландского и древненорвежского именованных слов, в форме *Rørik* – для датского и древнешведского именованных слов.

Вот как первый компонент в имени *Hrørekr* рассматривается Янцёном.

Hró (d)-, чередующееся с **Hrø-** в *Hrørekr*, = древнесканд. *hróðr*, м.р., 'хвала', англосак. *hréd* 'слава, победа' (сравн. с гот. *hrōþeigs* 'победный').

Этот начальный компонент встречается в самых обычных именах. В мужских именах *Hróaldr* (в Норвегии пишется также *Roaldr*, *Ruald(d)*, *Roaldher* и т.д.), *-arr* (в Норвегии также *Ruar*, *Roar* и т.д.), *Hróðgeirr*, *Hrómundr*, *Hrollaugr*, *-leifr*, *Hrōrikr*, а также образованное в результате сильного стяжения имя *Hrólfr* и др.

В имени *Hróaldr* (*rhoAltR* на рунном камне Ватнстенен в Норвегии, VIII в., или древненем. *Hrōdowald*) можно наблюдать следующую динамику развития: **HrōPi-walduR* или **-waldaR* > **Hrōđ-waldR* > *Hróaldr*, и далее в норвежских диалектах *Ruálder* > *Rálder*, *Hroaar* (англосак. *Hróđgár*, древненем. *Ruodger*), прасканд. **HrōPi-gaiRaR* > **Hrōđ-gaRR* > **Hrōwarr* > *Hróarr* и далее в норвежских диалектах *Ruár* > *Roar*.

Янцён замечает, что ранее предполагали, что в приведенной цепочке имя *Hróarr* было первичным и явилось из Швеции или Дании, но впоследствии от этой мысли отказались. Сам Янцён думал, что в названных именах могли чередоваться два или три различных имени. По его мнению, кроме уже названных, к указанному ряду следует добавить и другие сходные имена в скандинавских и древненемецких именословах, например, древненемецкие *Hruodwar* (прасканд. **HrōPiwarjaR*) и *Hrōdhari* (прасканд. **HrōPi-harjaR*).

Hrørikr, по мнению Янцёна, произошло от **HrōPi-rīkaR* или *-rīkiaR* (срав. с древненем. *Hroderich*, англосак. *Hrēđric*) в результате переогласовки и выпадения *đ*. Подобные примеры трансформации имен известны¹⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению конечного компонента *-rīkiaR*, проанализируем кратко данные по первому именному компоненту, являющемуся, согласно вышеприведенному, образующим для имени *Hrørekr*.

Первое, что обращает на себя внимание, это большой разброс в пространстве имяобразующей основы – от готского *hrōPeigs* 'победный' до англосак. *hrēđ* 'слава, победа' – и соответственно, заметная продуктивность этого компонента в создании имен у многих народов: от древненемецких *Hrōdowald*, *Ruodger*, *Hruodwar*, *Hrōdhari*, *Hroderich* до англосаксонских *Hróđgár* и *Hrēđric*. Далее, мы видим, что основа *hró* (*đ*)-/*hrø*- выступает в реальных примерах как со знаком придыхания «h», так и без него в форме *rua*-/*roa*- /*ruo*- . Означают эти вариации только различное написание одного и того же имени или эти чередования отражают, по проницательному замечанию Янцёна, наслоения двух или трёх различных имен? Вернусь к этому вопросу позднее, а сейчас, как минимум, можно констатировать одно: и первый именной компонент *hró* (*đ*)- , и образованное от него имя *Hrørikr* ранее обнаруживаются на европейском континенте, а не в скандинавских именословах, соответственно, происхождение этого имени сразу выводит его за рамки скандинавского имени.

Имя *Hrørikr* является вариантом англосаксонских имен *Hróđgár* и *Hrēđric*, а также древненем. *Hroderich*¹⁵. Попытки скандинавских ученых довоенного периода (в частности, шведского археолога и литератора Б.Нермана) объяснить появление древненемецких и англосаксонских имен с композитом *hrōđ-* как заимствования из шведских или датских

именословов были явной данью традициям донаучной шведской и датской историографии, еще доживавшим свой век в творчестве некоторых ученых, прежде всего, археологов. Как отмечал Янцэн, это было совершенно неверно, и опровергалось, в первую очередь, хронологией.

Например, имена *Hróðgár* и *Hréðric* известны из англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», создание которой датируется началом VIII в., а события - периодом до переселения англов в Британию, в поэме описываются столкновения англов и ютов (у некоторых авторов, – гётов с юга современной Швеции)¹⁶. Начало нашествия на Британские острова англов и их соседей ютов, а также саксов и фризов, относится к V в. Естественно предположить, что в лоне этих переселений происходил и перенос именословов названных народов, явно связанных с пестрыми по происхождению именословами европейского континента.

Откуда же у Шрамма, а вслед за ним – и у Мельниковой такая безапелляционная уверенность в том, что летописное имя Рюрика должно рассматриваться именно, «исходя из фонетических особенностей древнешведского языка IX в.», если компоненты, его образующие, обнаруживались на европейском континенте чуть не с V в. и по пути на Скандинавский полуостров обязательно миновали южнобалтийское побережье? Мы имеем полное право сказать «по пути», поскольку сам же Шрамм с неподражаемой безапелляционностью сообщает, что *Рюрик* – это «эквивалент заимствованного общегерманского имени Roderich».

Насколько *Родерих* является «общегерманским» именем, поговорим позднее, а что до самоуверенности названных авторов, то объяснение ей только одно – рудбекианизм, образчики которого были приведены в начале этой главы. Правда, рудбекианизм в статье Шрамма изрядно подвыветрился. У Рудбека ведь всё, включая имена богов и культурных героев, пришло на европейский континент из Швеции, а Шрамм уже отмечает, что многие имена в скандинавские страны пришли с европейского континента, т.е. являются там заимствованными, но разумеется, заимствованными в лоне «общегерманского» именослова. Однако их путь на Русь, по убеждению Шрамма и Мельниковой, мог идти только через Швецию – тут рудбекианизм у норманистов стоит нерушимо.

Но прежде чем двигаться далее неисповедимыми путями «общегерманского» именослова, рассмотрим второй компонент в имени *Рюрик*, а именно компонент *-rekr, -rikr*. Согласно материалам, приведенным в работе Янцэна, конечный компонент *-rekr, -rikr* имеет значение «властелин, государь», для чего он приводит сравнение с готс. *reiks*. Этот конечный компонент, сообщает Янцэн, **является ранним германским заимствованием из кельтских языков**. В подтверждение он приводит следующие примеры заимствования имен с этим окончанием: из английского *Kynrikr* (англосакс. *Cyneric*), нем. *Meistrikr, Þjóðrekr* (нижненем. *Didrikr*), в позднее средневековье стали популярными *Friðrekr*

(древневерхненем. *Frithuric*, гот. *FreiPareiks*), в основном, в нижненем. *Heinrekr* (обычно, *Henrich*, *Hinrik*)¹⁷.

Таким образом, именной компонент *-rekr/-rikr* является заимствованным не только в скандинавских языках, но и шире – в германских языках вообще, усвоен этими языками из догерманской языковой традиции, что подтверждает уже высказывавшуюся мысль о том, что «чисто» скандинавские или даже «чисто» германские имена – это, в значительной степени, фантом, умозрительная конструкция. Основное большинство антропонимов возникали в результате взаимодействия различных языковых традиций, когда как минимум одна часть антропонима заимствовалась извне. Имена германского именослова, представляющие собой кельтско-германские гибриды, хорошо известны специалистам. Исследовательница готских имен Н.А.Ганина подчеркивала, что, например, «остготские двучленные композиты с этимологически темным первым компонентом получают наиболее убедительное объяснение при сопоставлении с кельтскими данными. Такое положение вполне согласуется с наличием в готском ономастике одночленных имен кельтской этимологии...»¹⁸.

Итак, имя *Hróðrekr/Hrærekr*, которое по уверениям норманистов, является скандинавским оригиналом для летописного Рюрика, состоит из двух компонентов, первый из которых находит более раннее проявление в именословах англосаксов, следовательно, имеет связь и с ютландской прародиной англов. А англы были соседями и союзниками с южнобалтийскими варинами, и в этом союзе варини не должны исключаться как доноры в культурном и прочем обмене с англами, т.е. исходные прототипы для данного имени следовало бы начать разыскивать в более древних слоях индоевропейских языков, чем германские языки.

Второй компонент, согласно совершенно определенной оценке Янцёна, является заимствованием в германских языках из кельтского. Следовательно, имя *Hrærekr/Hrørekr* выступает как вариант кельтско-германского гибрида и уже на данной стадии нашего исследования теряет свою «общегерманскую» непорочность. Следовательно, заимствованный характер данного имени в скандинавских именословах уже не может вызывать сомнений. Но теперь необходимо выяснить, как и когда это имя могло войти в «общегерманский» именослов.

Для этого вернемся снова к статье Шрамма и к его указанию на то, что имя Рюрик (Rjurik) являлось вариантом любимого общегерманского имени Родерик (Roderich). Этим аргументом Шрамм очень гордился, заявив, что антинорманисты ничего против данного факта, т.е. связи Рюрика с Родериком, выставить не могут¹⁹. А антинорманистам ничего и не надо выставлять, поскольку Шрамм, преподнеся эту связь, сам блестяще выбил имя Рюрика из числа природно скандинавских имен.

Имя Рюрик/Родерик в западноевропейских именованных

Посмотрим, где встречается имя Родерик (Roderich) и его варианты. Сразу же обнаруживается, что эта форма имени имеет очень большой разброс и встречается на пространствах от южных пределов Европы до Британских островов. Так, последний король визиготов, правивший короткий срок в 710 – 712 гг. носил имя Родерик. Его имя осталось на монетах, отчеканенных в Толедо, в форме Rudericus (Rvdericvs), в официальном перечне визиготских королей как Ruderigus, а в хрониках как Rudericus. Испанская форма этого имени – Родриго, и в этой форме оно стало одним из наиболее распространенных имен в латинских именованных. Немецкий вариант имени Roderich и английский вариант Roderick истолковываются как «прославленный властелин», что логично определяется вышеприведенным значением первого компонента (англосак. *hréd* 'слава, победа', гот. *hrōþeigs* 'победный'), и значением второго, заимствованного кельтского компонента *-rekr, -rikr, готс. -reiks* «властелин, государь».

Перевод этот перекликается с вышеприведенной трактовкой Мельниковой «древнескандинавского» значения имени Рюрик как *Hrærekr/Hróðrekr* – «могучий славой», но ее перевод отличает более угловатый характер, вероятно оттого, что ориентированный на «общегерманское» и учитывающий древнескандинавский компонент *hróðr*, 'хвала', её перевод оставляет без внимания кельтское заимствование *-rekr* – властелин.

Здесь стоит привести и статью из англоязычной «Википедии» относительно имени *Родерик*: «Roderick (из прагерманского **Hrōþirk(i)az*, "богатый славой" (тоже, как видим, неловкий перевод, закосневший в германском лоне – Л.Г.), в древнегерманском как *Hrodric*, в древнеанглийском как *Hrēðric* и *Hroðricus*, в восточноскандинавском как *Rørik* и в западноскандинавском как *Hrærekr*. В ПВЛ оно известно как русское Рюрик, т.е. Rurik. В испанском и португальском оно стало передаваться как *Rodrigo* или в краткой форме *Ruy/Rui*, а в Галисии произносилось как *Roi*. В арабском оно получило форму *Ludhriq* (لذريق), так арабы называли последнего короля вестготов Родериха/Родриго, погибшего в 711 г. Таким образом, *Родерик* – англицизм, производный от многих имен, напрямую несвязанных друг с другом. Как фамилия и как личное имя оно является адаптированной к английскому языку формой уэльского *Rhydderch*. Поэтому личное имя *Roderick* – англицизм от гэльского (ирландского и шотландского) личного имени *Ruaidhrí/Ruairí/Ruairi/Ruairidh/Ruaraidh*. Иногда это имя произносится как *Roddy*».

Как видим, круг вариантов имени Родерих/Родерик, эквивалентом которого, согласно Шрамму, является и Рюрик, становится все шире и охватывает теперь кельтский именовослов, и этот именовослов первичен относительно германских именовословов.

А.Г.Кузьмин, как известно, глубоко изучал вопрос кельтского культурно-языкового наследия в Северной Европе. В рамках этих исследований он отметил и большое распространение имени Рюрик на европейском континенте, начиная с первых веков н.э. Опираясь на данные Альфреда Хольдера, Кузьмин привел связь между именем Рурик/Рюрик, во множестве встречавшемся в римско-галльских именовословах, и этнонимом рурики/раурики/*raugis* – названием одной из кельтских этнических групп на территории Галлии. Раурики/рурики покинули родные места в 58 г. н.э. под натиском римлян и отселились вместе с гельветами на запад. На их родных местах римлянами была образована колония Августа Раурика (неподалеку от Базеля). Данная территория отмечена и сходными гидронимами. Здесь можно отметить *Rur* - приток Мааса, протекающий по Бельгии, Германии и Нидерландам, а также то, что в средние века река Одер имела приток под названием *Rurica, Rorece*. За выходцами из этих мест, делает вывод Кузьмин, позднее и закрепилось имя «*Рурик*»²⁰.

Происхождение антропонима от этнонима или шире – от названия бывшей родовой территории, феномен известный. А учитывая, что в раннесредневековый период названные территории были вовлечены в процесс миграций и переселений людей по всей Европе вплоть до Британских островов и далее, то и имена из этих мест «переселялись» вслед за их носителями. Но полагаю, что этноним рурики/раурики может иметь еще более древнее происхождение и быть связанным с распространявшимися в Западной Европе сакральными системами, ономастиконами которых были рождены в лоне миграций древнейших носителей индоевропейских языков или представителей гаплогруппы R1a и шли из освоенной ими с III тыс. до н.э. Восточной Европы на запад.

По словам А.А. Клёсова, «...носители гаплогруппы R1a, фактически, праславяне или, во всяком случае, их братья преобразовали не только восток во II тыс. до н.э., выступая как арии (Индия, Иран, Средняя Азия, Ближний Восток, Северный Китай), но и не менее (возможно, и более) кардинально преобразовали и запад, выступая как исходные кельты. Западная и Центральная Европа – культурный продукт праславянской Русской равнины»²¹.

Но «путь» имени Рурик/Рорик в ирландские и шотландские именовословы, о чем свидетельствуют многие материалы, шел, скорее всего, уже из областей Галлии. Так, в Уэльсе, в роду правителей королевства Гвинеда в конце VII в. появляется имя *Rhodri*, английским вариантом которого был Родерик со всеми вытекающими отсюда производными. Следует отметить, что имя *Rhodri* заняло почетное место в именовослове

этого королевского рода: им нарекается наследник престола *Rhodri Molwynog ap Idwal* (прим. 690 – 754 гг.). Латинской версией этого имени называется *Rodericus*, а английской – *Roderick*. Данное имя повторяется в династийном именовании правителей Уэльса вплоть до XIV в.

Самым знаменитым носителем этого имени являлся Родри Великий (820-878) или *Rhodri ap Mawr/Roderick the great*, сумевший объединить под своей властью земли Уэльса. Историк С.В.Цветков напоминает, что Родри Маура на континенте величали Рориком. Кроме имени, Родри Великого с летописным князем Рюриком роднит и то, что он начал процесс объединения своей страны с двух королевств, носивших названия Рос и Гвинедд. Во всяком случае, замечает Цветков, Родри/Рорик – наиболее исторически засвидетельствованный вариант западноевропейского правителя с именем Рорик²².

Об истории Родри Великого известно следующее. В 856 году упомянутый Родри Великий (*Roderick the great*) одержал крупную победу над войсками некоего Горма. О данной победе было рассказано в поэтических произведениях Седулия Скотта, придворного поэта франкского короля Карла Лысого. Этот ученый ирландский поэт в 848 году появился при дворе короля франков Карла Лысого в составе посольства верховного короля Ирландии Маэля-Шехналя (846 – 862). Седулий Скотт оставался при дворе франкского короля несколько лет, проявил себя как активный деятель культуры, написал множество поэтических произведений, одно из которых называлось «О разгроме норманнов», где как раз и описывалась победа Родри Великого, причем имя Родри было написано как «Рорик», т.е. в форме, хорошо известной франкам с древних, римско-галльских времен.

При этом ни в произведении Седулия Скотта, ни вообще при дворе Карла Лысого не обнаруживалось никаких рефлексий относительно того, что имя Рорик было скандинавского происхождения, из чего должен был бы последовать вывод в норманистском духе, что вся объединительная деятельность Родри в Уэльсе проходила под благим влиянием скандинавов. Это тем более было бы уместно, что на время правления Карла Лысого (843 – 875) как раз, по версии норманистов, должны были приходиться великие события в Восточной Европе, осуществляемые якобы выходцем из Скандинавии и тезкой Родри Великого. Но никто при дворе Карла Лысого данных скандинавских подвигов не заметил и Родри Великого в скандинавы не произвел. Из чего можно заключить, что как Седулий Скотт, так и представители двора Карла Лысого о подвигах скандинавов не были наслышаны.

Кроме династии Уэльса, данное имя *Родерик* является одним из основных династийных имен для многих родов ирландских правителей, например, королей Лейнстера, Коннахта, а также шотландских правителей,

которое записывалось в формах, адаптированных к ирландскому и шотландскому антропонимам: *Ruaidhrí/Ruairí/Ruaidri* и др.

В числе носителей этого имени можно назвать короля Лейнстера Руайдри мак Фаэлайна (*Ruaidri mac Fáeláin*), умер в 785; короля субкоролевства Кенела Конайлла Руайдри уа Кананнайт/*Ruaidri ua Canannáin*, умер в 950; короля Южного Конахта Руайдри/*Ruaidri* (991/992) сына Коскраха/*Coscrach*; короля Западного Конахта Руайдри Уа Флайтбертайга/*Ruaidri Ua Flaithbertaig*, ум.1061; короля Конахта Руадри на Сайде Буиде/*Ruaidri na Saide Buide* (1087 – 1092); короля Конахта и последнего верховного короля Ирландии в 1166 – 83 гг. Руайдри Уа Конхобайр/*Ruaidhri Ua Conchobair*, англ. Родерик О'Коннор (1156 – 1183); короля Конахта Руайдри мак Тайрделбах Уа Конхобайр/*Ruaidri mac Tairdelbach Ua Conchobair*, умер в 1384 г.²³.

У шотландских правителей мы видим имя правителя средневекового ярлства Морей (*Moray*) на севере Шотландии Финдлея мак Руайдри/*Findlaech mac Ruaidri*, умер в 1020 г. Этот правитель получил особую известность благодаря трагедии Шекспира как отец Макбета. Между прочим, королевство Морей (*Kingdom of Moray*) включало ярлство Рос (шот. *Ros*, переводится сейчас как «мыс», «пустошь»).

В вышеупомянутом ирландском Коннахте имеется графство Роскоммон или *Ros Comáin* – «Лес Святого Комана» (т.е. *Ros* в данном случае – это «лес») по имени аббата и епископа Комана (*Comáin mac Faelchon*), основателя монастыря, названного его именем (VI в.). Монастырь был основан в местности, бывшей родовым гнездом королевской династии Коннахта Уи Бриуин (*Uí Briúin*), ответвлением которой и стал клан Уа Конхобайр, где родовым именем было имя Руайдри /Родри/Рорик. В этом же графстве есть поселение под названием Роски/Руский (*Roosky, Ruskey*), название которого толкуется от ирландского *Rúscaigh* «болото, трясина». Добавлю ещё, что в вышеназванном королевстве Гвинед в Уэльсе, где одним из популярных династийных имен было также имя Родри/Рорик, находилось маленькое королевство Рос (*Rhos*), история которого уходит в V – VI вв. Название этого королевства в переводе с уэльского объясняется как «вересковый торфяник».

Подумать только, какими энтузиастами родной природы и преданными натуралистами были средневековые правители Уэльса, Ирландии и Шотландии, не забыв включить в число названий местных владений такие, как «лес», «мыс»/«пустошь», «болото»/«трясина», «вересковый торфяник». Причем все это природоведческое многообразие касалось топонима или ойконима с одной и той же основой *рос/рус*.

Среди статей англоязычной Википедии отыскивается и другая статья об имени Родерик, в которой это имя рассматривается напрямую в гэльской традиции, т.е. сразу в его исходной форме Руайдри: «*Ruaidhri* (также *Ruairí, Ruairidh, Rhuairidh, Ruaridh, Rhuaridh, Ruarídh, Ruairí* или

Ruairí) – мужское имя кельтского происхождения (ирландское, шотландское). Переводится как "red-haired king" *rua*[dh] red-coloured hair of foxes, etc., *rí*[gh] king. В ирландском произносится как /'ruər'i:/, а в Munster Irish – /rəi'r'i:/. Для английского типично произношение как Rory или Rooney. В классическом ирландском имя писалось как Ruaidhrigh, а в древнегэльскийком (Old Gaelic) как Ruaidrig/*rua*ð'ri:/. Его английским эквивалентом стало германское имя Родерик, в значении (red-haired leader) (например, Ruaidrí Ua Conchobair по-английски *Roderic O'Connor*). Уэльсский эквивалент (Welsh language) Rhodri, которое также означает рыжеволосый король (red-haired king)».

Итак, как видим, первый компонент рассматриваемого имени в германоязычных именословах принято связывать со значением «слава, победа» (англосак. *hréd* 'слава, победа', гот. *hrōBeigs* 'победный'), однако в кельтской языковой традиции, конкретно, в древнегэльском языке первый именной компонент имени *rua*ð'- связан с цветовой символикой, а именно – с красноватым/рыжим цветом волос. Но если англосакс. *Hróðgár*, древнеангл. *Hroðricus*, древненем. *Hroderich* являются германизмами от древнегэльского Rhodri, то этимологией названных имен является не англосак. *hréd* 'слава, победа', а гэльск. *rua*ð' 'красный', тогда получается, что значения 'слава, победа' были ошибочно подобраны во времена расцвета германоцентризма XIX века.

Эту же мысль подкрепляет и тот факт, что второй компонент, заимствованный из кельтского *-rekr*, *-rikr*, но и в готс. *-reiks* означавший «властелин, государь», является общим как для германского именослова, так и для кельтского. Последнее обстоятельство подводит к выводу о том, что имена германского именослова, образованные от композитов *hró(ð)-/hrø-/ruo(d)*, такие, как древненемецкие *Hrōdowald*, *Ruodger*, *Hruodwar*, *Hrōdhari*, *Hroderich* или англосаксонские *Hróðgár* и *Hréðric*, являются германизированным наследием более древней, кельтской языковой традиции, поскольку имя *Rhodri* выступает одним из вариантов названных имен с той же основой.

Но тогда возникает следующий вопрос: является ли кельтская языковая традиция исходным имяобразующим лоном имени Рюрик? Не происходит ли материал/идея этого имени из еще более древних языковых пластов? Этот вопрос навеивает семантическая разность имени в германских и кельтских языках, а также понимание того, что оба значения: и «прославленный/победоносный государь», и «рыжевласый король» могут выражать разные эпитеты одного древнего сакрального прототипа. Древние сакральные имена становились истоком для многих современных имен, и ближайший пример из приведенных здесь – это имя божественной прародительницы уэльсцев и ирландцев Дану, восходящее к ведийскому и авестийскому языкам, но послужившее изложницей для имени

родоначальника датчан Дана и ставшее популярным личным именем вплоть до наших дней именем во всех скандинавских странах.

Поэтому в поисках истоков имени Рюрик/Рорик/Родрик следует рассмотреть все варианты значений для этого имени, которые сейчас известны науке.

Носители имени Рюрик в Западной Европе

Уяснение тех фактов, что имя Рюрика в ирландских и шотландских династийных именословах толкуется из гэлльского как «рыжевласый король», и что этому имени в ирландских королевствах сопутствовали топонимы Ros, Ruskey, Rhos, невольно направляет ход мыслей к галльскому племени рутенов и их связью с именем Руси. Поэтому начну исследование вопроса о носителях имени Рюрик в Западной Европе с юга бывшей Галлии.

А.Г.Кузьмин писал, что «...смысл многочисленных вариантов обозначения (тоже многочисленных) "Русий" в Европе в значительной мере объясняется обычными латинскими характеристиками галльского племени Рутенов: "Russus Rutheni" и "Flavi Rutheni" – "Красные (или красноватые)" и "Златокудрые" (опять-таки с красноватым оттенком) Рутены. .. В славянских языках это тоже один из вариантов обозначения желто-красного цвета. Наименование ругов – ружане или руйаны имеет то же значение, что и месяца сентября "рюен" – желто-красный. .. "Красный" цвет символизировал могущество, и выражалось это, как правило, в ритуальном раскрашивании. .. После завоевания Галлии римлянами ряд галльских племен ушли – венеты из Бретани полностью, погрузившись на суда, видимо, к своим дальним родственникам – балтийским, рутены (ранее пришедшие с севера), видимо, к местам прежнего обитания»²⁴.

В статье А.И.Дробинского, посвященной упоминаниям Руси в старофранцузском эпосе, сообщалось о том, что Русь и как народ, и как страна упоминалась в 28 поэмах средневековых французских произведениях и всего около 70 раз, что говорило об интересе к стране и о владении информацией о ее народе. Но здесь интересно отметить, что в поэме «Foulque de Candí» (вторая половина XII в.) русы переосмысливаются местами как «рыжие» – «roux», например, в выражении «roux et gris» – «рыжие и серые», т.е. «русские и греки»²⁵. Достаточно очевидно, что игра словами «русские» как «рыжие» была навеяна образом галльских рутенов как «russus rutheni» и сделалась традиционным синонимом для обозначения русских в старофранцузской литературе.

Рутения – Ругия – Русия. Гальское племя рутенов, упомянутое А. Г.Кузьминым, известно со времен Римской империи на юге современной Франции. Civitas Rutenorum с главным городом Родез/Родес, который

фиксируется как минимум с V в. до н.э. и который в римское время носил также название Сегедунум. По поводу этимологии этого названия в разных справочниках, в том числе, и на справочных сайтах интернета, обнаруживается разноречивость. На франко- и англоязычных сайтах его объясняют из кельтского языка в значении «сильно укрепленный форт», ставя его в один ряд с Сегедунумом (Segedunum) в Англии – руинами одного из укрепленных поселений римского периода на севере Англии. Правда, при этом оговариваются, что подобное толкование небезупречно. Объяснение же названия галльского двойника Сегедунума – города Родеза достаточно определено: Rodez = Ruth, т.е. происходит от этнонима «рутенны». О родстве топонима *Rodez* и названия народа *Ruteni* упомянул и Назаренко²⁶.

Поскольку толкование названия Сегедунума как «хорошо укрепленного форта» не является убедительно обоснованным, то стоит привести и ту этимологию Сегедунума, которую можно найти на русскоязычных сайтах, и которая переводится «ржаной холм». Слово «рожь», согласно Фасмеру, восходит к праслав. **rъзь*, которое возводят к диалектному пра-и.е. **rug^his Secale cereale*²⁷. Может ли быть какая-либо связь между древним обозначением ржи и именем народа рутенов? Возможно, стоит подумать о цветовой символике: ржаной как красновато-коричневый, что перекликается с приведенным выше «*russus ruteni*» как «красноватые рутены». А может, здесь дело в символике культуры пищи, а именно, в возделывании ржи и выпечке ржаного хлеба, что получило особый статус у некоторых народов.

Ржаной хлеб неотделим от русской культуры пищи. Но ржаные лепешки к празднику зимнего солнцестояния (у христиан стало праздноваться как Рождество Христово) до сих пор выпекаются почитателями зороастризма, традиции которых восходят к древним иранцам. Все это – интересные вопросы для исследования, но пока можно воспользоваться тем, что уже лежит на поверхности. *Rod-* как основа для топонима, а также тождественная с ним *ruth-* как основа для этнонима рутены и сами галльские рутены соседствуют с *russus*, причем не только в плане цветовой символики, но и в топонимике. Южнее Родеза, ставшего с течением времени столицей графства Руэрг (*comté de Rouergue*), известно графство Лангедок – Руссильон (фр. *Languedoc – Roussillon*).

Не знаю, от какого «болота» выводят название Руссильон, но в этой же юго-западной части Франции обнаруживаются и весьма ранние использования имени Рюрик (но не самые ранние, о чем ниже), носителями которого были очень известные личности. Правда, известными они являются где угодно, но не в российской историографии, невзирая на работы А.Г.Кузьмина и С.В.Цветкова. Я имею в виду двух епископов Лиможских. О них есть сведения как в литературе, так и в источниках, размещенных даже в интернете. Начну с последних, поскольку доступ к

ним проще, а сведения их, при сравнении с научными изданиями, оказываются верны.

Итак, о двух достойных деятелях Лиможской церкви, носивших имя Рюрик, в интернетских публикациях можно прочитать следующее: «Святой Рюрик I, епископ Лиможский (430? – 507)... Святой Рюрик (Ruricius) или Рорик (Roricus) родился в галльской семье. Он был женат, его жену звали Иберия (Iberia). Оба супруга следовали Евангельскому слову во всех проявлениях благочестия и сострадания. В 484 г. Рюрик был избран епископом родного города. Он отошел с миром ко Господу в 507 г., когда собирался на собор в Агде. Праздник перед революцией всегда совершался 20 сентября, когда выставляли на поклонение его мощи в церкви св. Августина. Святой должен был торжественно открыть именно эту церковь и кладбище вокруг неё, а также поставить священника, который бы в ней служил.

В литургическом календаре Лиможа на 1832 г. указывается, что теперь праздник святого празднуется в этой епархии 20 июля. Во дворце недалеко от Лиможа почивает его святая глава. Из оставленных им записей, составивших две книги, видно, что благочестие, святость и любовь составляли основу его жизни и деятельности, и это получает многочисленные подтверждения. Его записки сначала появились у Канисия и впоследствии были много раз переизданы. Святой Рюрик II, епископ Лиможский (+550) был вторым епископом Лиможским. Он присутствовал на нескольких синодах и умер ок. 550 г. Обретение его мощей произошло ок. 1102 г²⁸.

В вышеприведенных сведениях о житии святого Рюрика I Лиможского содержится ценное указание: «...родился в галльской семье», что должно наложить узду на норманистский рефлекс автоматически объявить и этих святых французской католической церкви выходцами из Скандинавии. Лиможские Рюрики, явно, происходили из местной галльской знати, из исторической области расселения народа рутенов.

В исследовании по истории senatorских родов в Галлии позднеантичного периода, принадлежащего перу немецкого историка К.Ф.Строхекера, есть рассказ и о епископах Лиможских, носивших имя Рюрика (Ruricius). Первый епископ Лиможский по имени Рюрик, согласно Сторхекеру, родился в 440 году и происходил из senatorского рода в Аквитании, находившегося в родстве с римским senatorским родом Аникии/Аниции (Anicii) – влиятельным родом времен заката Римской империи. По женской линии от этого рода происходили Меровинги. В 468 г. Рюрик женился на Иберии, дочери клариссима (vir clarissimus – славнейший муж) Омматия из Оверни, также представителя знатного рода. «Клариссим» был одним из высших senatorских титулов в поздней Римской империи (IV – VI вв.), его носители – клариссимы составляли первый разряд знати. Омматий был другом Аполлинария Сидония (430 –

486 г.), прославленного галло-римского писателя и поэта, дипломата, епископа Клермонта. Сидоний посвятил ему панегирик в связи с приглашением на празднование дня рождения. Сидоний написал также эпиталям и по поводу свадьбы Рюрика и Иберии. Их дети: Аврелиан, Константин, Эпархий, Леонтий и дочь, замужем за Агриколой, сыном императора Запада/вестготского короля Эпархия Авита. На дочери же императора Эпархия Авита был женат Аполлинарий Сидоний и таким образом, он был связан узами свойства с родом Рюрика I Лиможского²⁹.

Рюрик I обладал литературным талантом. От него осталось два тома писем/записей в позднеримском эпистолярном стиле (*Ruricii epistulae*)³⁰. Сохранилась его переписка со многими видными религиозными и светскими деятелями Южной Галлии. Рюрика I Лиможского упоминает австрийский медиевист Х.Вольфрам в своей монографии о готах, заметив, что епископ Рюрик Лиможский переписывался с неким высокородным Виттамаром и послал ему и его супруге сотню груш³¹.

В соответствии со сведениями, содержащимися в эпистолярных произведениях епископа Рюрика, резиденция семьи находилась в Гурдоне (*Gourdon*), в области Кагор (*Sahors*). При римлянах это был главный город Аквитании, сейчас – живописное старинное поселение, привлекающее туристов своими историческими достопримечательностями. В 477 г. Рюрик принял духовный сан и в 485 г., согласно такому источнику как эпистолярное наследие Святого Фауста, епископа Ръезского (461/470 – 493 гг.), стал епископом в Лиможе и занимал эту должность в течение двух десятилетий. Кафедра в Лиможе была основана еще в III в. первым епископом Лиможа Святым Марциалом – одним из семи епископов, отправленных из Рима папой Фавием (200 – 250) для проповеди христианства в Галлии. Святой Рюрик Лиможский, будучи ревностным христианином, возвел в Лиможе монастырь и церковь Святого Августина. Он участвовал в Агдском общегалльском церковном соборе в 506 г. На следующий год, как следует из письма епископа Седатуса из Нима, епископ Рюрик Лиможский скончался.

Рюрик II Лиможский был внуком Рюрика I от сына Омматия. Омматий, идя по стопам отца Рюрика I, также посвятил себя духовной карьере. В 522/523 гг. Омматий был утвержден в сане епископа Тура по приказу короля франков Хлодомира. Омматий был Турским епископом до своей смерти в 525 г. Его сын, названный в честь деда Рюриком, получил сан епископа в Лиможе, как и дед Рюрик I. Рюрик II присутствовал на соборе в Клермонте в 535 г. и в 541 году – на соборе в Орлеане. Рюрик II Лиможский возвел церковь Св. Петра в Каруа и базилику Св. Жуньяна в Лиможе. Преставился в Орлеане в 549 г. Известный поэт Венантий Фортунат (530 – 600/609) написал эпитафию на его кончину и на смерть его деда³².

Помимо епископов Лиможских, имя Рюрика/Рорика носили многие лица, прославленные в житиях католических святых или прямо облеченные высоким священническим саном в лоне римско-католической церкви в раннесредневековой Галлии, а затем – в королевстве франков, причем еще за двести лет до времени Рюриков Лиможских.

Об одном лице по имени Руриций (Рурик) рассказывается в «Житии Святого Мартина», епископа Турского (316 – 397). Когда епископская кафедра в Туре в 371 году сделалась свободной, то народ пожелал иметь своим святителем святого Мартина. Но в то же время все знали глубокое смирение Мартина, которое раньше побуждало его настойчиво отказываться от принятия пресвитерского или даже дьяконовского сана. Тогда решили прибегнуть к хитрости и силе. Один гражданин по имени Руриций пришел к святому в его монастырь и припав к его ногам, просил прийти и помолиться за его больную жену. Святой пошел, но тут его окружил народ и силою привел его в город, в храм и провозгласил его епископом³³.

Вышеупомянутые епископы Лиможские были не единственными высокопоставленными религиозными деятелями на территории бывшей Галлии – носителями имени Рюрика.

Так, А.Хольдер указывает имя пресвитера Рюрика/Рорика (Ruricio/Roricus) – он был упомянут в связи с соборами в Автиссиодуре/Аутиссиодоре (г. Осер в современной Франции) в период 573 – 603 гг. Один из епископов Неверских (614 – 653) также носил имя Рюрика (Rauri(a,e)cus)³⁴.

У франкского историка и хрониста каролингской эпохи Флодоарда (894 – 966) есть запись о Рорике, епископе Ланской церкви: «В этом же году (976 – Л.Г.) 20 декабря Рорико, епископ святой Ланской церкви, который был разбит параличом, после многих и должных изъявлений благодарности Богу по поводу своей болезни, ушел из жизни, а именно в канун святого апостола Фомы после утренних славословий богу»³⁵.

Лан или Лаон в современной Пикардии был еще в V в. назначен резиденцией епископов по инициативе Святого Ремигия, епископа Реймского и апостола франков. Будучи выходцем из римско-галльской знати и уроженцем этих мест, Ремигий сделал этот город важным духовным и политическим центром королевства франков. В Лаоне родилась Бертрада, мать Карла Великого. Здесь родились короли Людовик IV и его сын Лотарь III. Только с конца X века резиденцией французских королей стал Париж. Поэтому сан епископа Лаона в жизни христианской церкви Франции был осиян особой славой, в силу чего хронист упоминает с особым пиететом и епископа Ланской церкви Рорика.

Имя Рюрика (Rorigo) под 822 годом сохранилось в актах аббатства Святого Петра в Зальцбурге – старейшего монастыря, основанного в 690 году. Кроме того, имя Рюрика (фр. Rorigius) под 946 г. упоминается в

уставных документах аббатства Клуни, основанного в X в. в Верхней Бургундии и пользовавшегося большим влиянием в среде местной знати. Под 939 г. – в уставных документах аббатства Святого Максентия в Пуатье, в документах монастыря Святого Киприана в Пуатье за период 954 – 986 и др. В каталоге имен М.Морлё названо еще около десятка лиц – носителей имени Рюрик³⁶.

Прославились носители имени Рюрика в римской истории. Рурик Помпеян/Ruricius Pompeianus (? – 312) был полководцем у римского императора Максенция (278 – 312). Рурик носил звание префекта претория, т.е. являлся одним из высших должностных лиц в Римской империи. В его подчинении находились преторианцы – гвардия и личные телохранители императора. Рурик Помпеян погиб в 312 г. в сражении при Вероне, когда войска Максенция были разбиты Константином Великим.

В «Римской истории» Аммиана Марцелина, в книге 28, посвященной периоду 368 – 370 годов правления императора Валентиниана (321 – 375), рассказывается о Рурике, правителе римской провинции в Африке и о том, как он стал жертвой трагических событий, которые Марцелин описывает как бедствия провинции Триполиса, которые «оплакивала сама богиня Справедливости». Случилось так, что взбунтовались соседние варварские племена и начали опустошать и грабить окрестности города Лептиса. Жители послали за помощью к комиту Африки Роману. Роман потребовал несоразмерное возмещение провиантом и верблюдами, но не получив желаемого, удалился, не оказав помощи городу. Жители послали представителей к императору Валентиниану с описанием своих несчастий и с просьбой о помощи. В ожидании ответа от императора горожане для организации отпора варварам сами передали военную власть в городе правителю провинции Рурику (Рурицию). Но Роман сумел вернуть себе военную власть, однако ничего не сделал для защиты города, окрестности которого продолжали опустошаться восставшими племенами. Опасаясь суда императора, Роман и другие сановные посланцы императора, повинные в мздоимстве, затеяли адскую интригу и оговорили множество невинных людей, которых казнили по приказу императора Валентиниана. Среди приговоренных к казни оказался и вышеупомянутый правитель провинции Рурик (Руриций), которого обвинили в распространении ложных известий, а кроме того и в том, что в его докладе, как полагали, были дерзкие выражения. Руриций был казнен в Ситифисе³⁷.

На территории бывшей Галлии имя Рорика носили многие представители светской знати. В собрании актов периода Меровингов и Каролингов сохранился документ от 2 сентября 820 года, составленный в Кьерзи, в Пикардии, удостоверявший обмен земельными владениями между двумя монастырями и подписанный целым рядом влиятельных лиц округа. Среди них, в первом десятке видим мы имя графа Рорика³⁸.

К сливкам сливок франкского общества принадлежали Рорики, графы Мэна и Ренна в Бретани. Имя первого из них вошло в историю в офранцузенной форме Rorgon, но известно и в более привычных формах как Rorigo(n) или Rorigich. Личность Роргона/Рорикона I (ум. в 840 г.) достаточно хорошо известна в немалой степени благодаря его любовной связи с дочерью Карла Великого от второго брака по имени Ротруда/Rotrude/Hruodrud (775/778 – 810). От этой связи родился сын Людовик, получивший аббатства Сен-Дени, Сен-Рикье и Сен-Вандриль. Ротруда в брак не вступала, но Роргон женился на знатной даме по имени Билешильда. Первенца в этом браке называли в честь отца Роргоном. Роргон I был сыном графа Мэна Гозлена и Адельтруды. Имена родителей граф Роргон назвал в собственноручно составленном документе, но больше о них ничего неизвестно. Роргон I считается основателем в 824 году аббатства Сен-Мор-де Гланфеиль. Графства Мэн и Ренна были богатыми и стратегически важными областями, поэтому графы Мэна и Ренна входили в число влиятельных людей в королевстве франков. Титул графа Мэна унаследовал старший сын Роргона I – Роргон II (849 – 865), младший брат которого Гозлин (834 – 886) имел сан епископа Парижа.

Таким образом, имя Рюрик в разных формах было известно в западноевропейских именованных словах как имя, которое, начиная от рубежа эпох, носили представители королевских родов Ирландии и Шотландии, римские политические деятели, католические священники самого высокого сана, представители галльско-римской и франкской знати. Поэтому неудивительно, что это имя появляется у одного из визиготских королей в начале VIII в. Только неправ был Шрамм, уверяя, что это имя германское. И франки, и визиготы восприняли это прославленное имя от римско-галльской знати, как светской, так и духовной и постепенно осваивали его в рамках своих именованных слов. Заимствование имени прежде всего происходило в зоне кельто-германских контактов, и уже оттуда заимствования шли в более северные европейские земли, в частности, в скандинавские страны. Но это был только один из путей. Рассмотрим и другие возможные пути заимствования имени Рюрик в скандинавских именованных словах.

Имя Рюрик и славянские именованные слова

В статье «О варягах» Байер заметил, что имя Рюрик «у германцев (немцев) было *Ругерик* и *Рогерик*»³⁹. Очень ценное замечание, несмотря на то, что Байер не поясняет, где у «немцев» встретилось ему имя Рюрик в форме Ругерик. Но тут сведениям Байера можно доверять в любом случае, поскольку в какой форме встречались имена у его соплеменников, он должен был знать. Ценным же это замечание является потому, что показывает имя Рюрик в форме, адаптированной к этнониму руги/роги.

Выше упоминалась связь этнонима раурики с именем Рурик. Помимо этого имеется, оказывается, вариант, который связывает имя Рюрик/Рурик через вариант Ругерик с этнонимом руги и соответственно, с островом Рюген. Проблема древнего народа ругов основательно запутана современной германистикой, поскольку руги стали относиться к германским племенам в традициях готицизма XVI в., согласно которому все народы, названные Тацитом в его «Германии», стали считать германскими племенами/ народами, причем в современном понимании этого термина, как носителей германских языков

А.Г.Кузьмин связывал остров Рюген с Балтийской Русью: «О том, что остров Рюген (Ругия) назывался "Русью" (Рутенией), писали многие авторы, в том числе и в советское время. .. Известно, что "Русь" имеет в источниках разные обозначения. В латинской традиции, сохраняющейся и в средневековой литературе, преобладает написание Rutenia или Ruthenia. В собственно германских источниках это чаще всего Rugia со множеством вариантов, собранных и непонятых одним из наиболее активных современных норманистов А.В.Назаренко, недоумевающим по поводу постоянной взаимозамены написаний Rugia – Russia. ..»⁴⁰.

Для А.Г. Кузьмина, как упомянуто выше, связующим звеном между рутенами и ругами являлось имя народа русь, а разные написания этого этнонима складывались в процессе расселения его носителей. «Ругия – Руссия – Рутения, иногда также Руйя – Руйяна, – отмечал Кузьмин в другой работе, – так в западных источниках именуется и Ругия Балтийская, и Ругиланд, и Киевская Русь. Примечательно, что город, основанный русскими участниками Первого крестового похода (на территории нынешней Сирии), назывался в разных записях Ругией, Руссией или Руйей. Показательно также имя одного из гуннских вождей, упоминаемого Иорданом в вариантах Ругила, Руа, Руас, Роас. Очевидно, звук, передаваемый латинским Г, произносился иначе, а в разных языках он и вовсе приобретал своеобразное звучание. Так, кельтское население Подунавья называло ругов "роками" и "раками", датчане "рёнами" (или "рё"). У германского населения Подунавья преобладают формы "рузы", "руцы" и "русии", но сохраняется и кельтское "роки", "раки", а также "руты" (имя "Рогер" имеет и форму "Руткер"). Этноним часто различно писался в одном и том же документе»⁴¹.

Говоря об имени гуннского вождя, Кузьмин имел в виду царя гуннов, военачальника, одержавшего ранние победы над Римской империей и брата Атилы по имени Ругила (умер в 434/440 гг.). Его имя запечатлелось в источниках в разных формах: Руа или Ругила, Роас, Руас, Роил, Руга (Ruа, греч. Ρούγας, Ροῦνας, Ρώλας). У грекоязычного Приска было *Ρογας*. У Иордана, который пользовался сочинением Приска, переводилось на латинский язык как *Роас*. Имя Атилы, по предположению некоторых ученых, имело индоевропейское

происхождение, тогда логично предположить, что и имя его брата Ругила/Руга/Роас родилось в Восточной Европе. Подтверждением моему предположению может служить такой этноним как Rogas Tadzans в перечне народов, входивших в состав державы готского царя Германариха, приведенном Иорданом.

Православный богослов епископ Феодорит Кирский (386/393 – 457) писал о нем: «Когда предводитель кочующих скифов Роил с многочисленным войском перешел Истр, опустошал и грабил Фракию с угрозой, что осадит царственный город и при первом же приступе возьмёт его и разрушит, Бог бросил с неба громаы и молнии и ими истребил как его самого, так и все его войско»⁴². Анонимная «Галльская хроника» 452 года за 434 г. называет этого правителя королем гуннов Ругилой или Ругой – Rugila Rex Chunorum. На основе приведенного можно сделать вывод, что Ругила был предводителем полиэтнического населения, которое греческими авторами могло именоваться скифами и которое, как известно, часто соединялось с именем русов. А русы и гунны в Саге о Тидреке Бернском и в поэме «Ортнит» фигурируют как современники. В саге описаны походы гуннов при поддержке готов против короля Руси Владимира и его витязя Ильи Русского, в «Ортните» Илья Русский действует за пределами Руси, в Италии и других землях⁴³, поэтому имя «предводителя кочующих скифов» Ругилы/Руги/Роаса вполне могло быть заимствовано в именослове гуннских правителей от древних русов.

Чередование гласных *y/o* в первом компоненте имени гуннского правителя типичны для славянских языков, а варианты Ругорик/Рогорик, приведенные Байером, позволяют отыскивать примеры древнерусских имен с корнем *руг-* /*рог-*. Варианты имени с корнем *рог-* отыскиваются там без проблем.

Имя Рог встречается в новгородском именослове. Известен Гюрята Рогович – седьмой из девяти посадников времен Мстислава Владимировича (1088 – 1117): «...при раскопках в Людином конце в слое самого начала XII в. была найдена берестяная грамота № 907, адресованная Гюряте и содержащая отчет некоего Тука о порученном ему расследовании двух краж, жертвой одной из которых оказался князь. Документ происходит из комплекса материалов, связанных с распределением государственных доходов. Контекст грамоты не оставляет сомнений в том, что ее адресат Гюрята был посадником. Вполне вероятно его тождество с Гюрятой Роговичем, который около 1092 г. был одним из информаторов составителя "Повести временных лет"»⁴⁴.

Гюрята Рогович из ПВЛ упоминается в статье за 1096 г.: «Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Рогович, новгородец, глаголя сице ...»⁴⁵.

Стоит обратить внимание на то, что названия с корнем *рог-* встречаются в топографии Великого Новгорода, в наименовании улиц.

Например, «К собору Михаила на Прусской улице приписаны церкви, стоящие на Прусской, Добрыне, Роговке, Чудинцевой, Легощей улицах»⁴⁶. Поскольку в наименовании улиц Великого Новгорода использовались имена собственные, такие как «Добрыня улица», то Роговка также вполне могла произойти от имени Рога, отца посадника или другого именитого новгородца. В берестяных грамотах встречается такой вариант имени как Рожнет от слова *рожок*, т.е. *маленький рог*.

Как варианты имени Рог могли выступать имя Рагул с берестяной грамоты и летописное имя Рагуил – так звали отца Добрыни Рагуиловича, воеводы князя Мстислава Владимировича – упомянут в ПВЛ под 1096 г. Стоит вспомнить и богатыря Рогдая из «Руслана и Людмилы»: «Рогдай, воитель смелый, мечом раздвинувший пределы богатых киевских полей».

Именам с корнем *рог-* можно посвятить отдельную работу, а о заимствованиях древнерусских имен гуннскими правителями хорошо известно.

Итак, достаточно очевидно, что этноним русы/руги/рутены, получивший еще в раннем средневековье распространение в разных формах, отразился и в родственных ойконимах Руссия/Ругия/Рутения, а также – в соответствующих антропонимах Руас/Ругила/Рог/Рогер/Рутгер, к одному ряду с которыми, явно, можно отнести как Рурика из южногалльских рутенских земель, так и демонстрирующего родство с ругами Ругорика, упомянутого Байером.

Но очевидное представляется как раз невероятным тем представителям российской науки, которые живут под прессом норманистских утопий об исходной связи Руси со Скандинавским полуостровом. Например, даже такой крупный ученый как А.В.Назаренко, собравший ценнейший материал об имени Руси в западноевропейских источниках, не смог, по замечанию Кузьмина, преодолеть существующие исторические постулаты, согласно которым Руси не полагалось быть там, куда ее помещали многочисленные источники. Поэтому рутены и руги относительно имени руси, согласно А.В.Назаренко, это – ученая «книжность», а не проявление живой истории: «...характерной приметой XII – XIII вв. стало широкое распространение новой формы этнонима "русь" – *Rut(h)eni*, реже в качестве хоронима *Rut(h)nia* или эпизодически даже *Rut(h)ia*. Насколько удастся установить, впервые такой вариант выступает в "Аугсбургских анналах" начала XII в. ("rex Rutenorum": Ann. Aug. a. 1089, p. 133), после чего он получает хождение в латиноязычной письменности практически всей Европы. .. Едва ли подлежит сомнению.. , что термин *Rut(h)eni/Rut(h)enia* применительно к руси/Руси относится к тому обширному классу "ученой" этно- и топонимии средневековья, которая заменяла реальные названия заимствованиями, как правило, из античной ономастической номенклатуры по принципу либо той же территориальной приуроченности, либо большей или меньшей

созвучности... В античных текстах Rut(h)eni было названием одного из южногалльских племен в районе нынешней Тулузы и встречается, например, в "Записках о галльской войне" Юлия Цезаря... Есть упоминания, которые прямо выдают античные корни этого этнонима как названия руси. В трактате "Императорские досуги" первой четверти XIII в. полигистора Гервазия Тильберийского, работавшего в южнофранцузском Арле, в контексте географического обзора Европы, читаем: .. "Польша одной из своих оконечностей граничит с Русью, которая [зывается] также Рутенией..."

... Не без некоторых колебаний относим также к числу "ученой" этнонимии менее популярный, но все же достаточно выраженный другой вариант имени "русь" в латиноязычной литературе средневековья – *Rugi*. Первоначально это было название восточногерманского племени ругов, которые, обитая в начале н.э. на берегах Балтики, оказались затем захвачены миграцией готов на юг, в конце концов, к V в. , на короткое время осели на Среднем Дунае, были побеждены римским полководцем Одоакром и депортированы им в Италию, где растворились среди местного населения. .. По отношению к Руси этот этноним впервые употребляется в "Раффельштеттенском таможенном уставе" 904/6 г. .. Автор "Истории норманнов" Гийом Жюмьежский (начало 70-х гг. XI в.), говоря о женитьбе французского короля Генриха I на Анне Ярославне ок. 1050 г., называет Ярослава Мудрого "rex Rugorum". .. Аутентичность информации о Руси в перечисленных источниках не подлежит сомнению. ...»⁴⁷.

Таким образом, по убеждению А.В. Назаренко, ученый Гервазий Тильберийский, работавший в южнофранцузском Арле, просто из умозрительной выпренности указал на родство названия *Русь* и *Рутения*, а не от точного знания предмета, которое ему было легко почерпнуть в Южной Франции. Также и Гийом Жюмьежский, считает А.В. Назаренко, поименовал Ярослава Мудрого rex Rugorum из соображений литературного изыска, а не потому, что этот автор просто знал о тождестве титула «rex Rugorum» и «русский князь». Но если утонуть в пучине догматизированного подхода о «восточногерманском» происхождении ругов только потому, что они локализованы Тацитом в восточной части его «Германии», то такой подход, понятное дело, не позволит увязать ругов с рутенами, упомянутыми Цезарем в районе нынешней Тулузы. А уж что касается русов, то этническая история носителей этого имени, по словам А.В. Назаренко, просто неясна современной науке. Или той части современной науки, дополним эту мысль, которая путается в тенетах норманистских догм.

Ближе всех к истине был А.Г. Кузьмин, когда настаивал на том, что «русский вопрос» на германском материале не решается и что надо расширить поиск до древнего индоевропейского уровня, предлагая обратиться к древностям Рюгена, названия которого известны также в

формах Rugniatis, Run, Rhun, Rugnos, Ruan. В итальянских переделках Истории Павла Диакона вместо «Ругиланда» иногда стояло «Рудиланд»⁴⁸. Кроме того были отмечены такие формы как Rugia, Ruia, Rana. А жители острова, согласно чешскому ориенталисту И.Грбеку, у разных анналистов могли носить такие названия, как Rugiani, Ruyani, Rojani, Ruani, Rani. Данная ссылка на Грбека приведена С.Н.Азбелевым, который также отметил, что Грбек указывал и на параллель с отнесением арабами жителей Рюгена к русам: Герборд и Эббон называли остров Рутения, а его жителей – рутенами. Таким же образом в Магдебургских анналах за 969 год жители Рюгена именовались Rusci⁴⁹.

Для того, чтобы разобраться с Ругориком/Рогориком как вариантом имени Рюрика/Рурика, рассмотрим вкратце, что известно о ругах, которые согласно приведенным выше словам Кузьмина, кельтским населением Подунавья назывались роками, а немецким – русами или по-кельтски, роками.

В античной традиции (Тацит, Птолемей) руги упоминаются как жители южнобалтийского побережья между Одером и Вислой, т.е. там, где в VI – VII вв. стал локализоваться союз поморян. Иордан (VI в.) упоминает на Балтии не только ругов, но и ульмеругов, т.е. островных ругов или рюгенцев. Прокопий Кесарийский (VI в.) говорит о ругах как одном из готских племен, бывших вместе с готами в Италии. Это служит для германистов дополнительным основанием причислять ругов к германским племенам, совершенно в традициях готицизма XVI – XVII вв., хотя само имя Германия, заимствованное от галлов, было введено Цезарем в качестве общетерриториального названия земель между Рейном и Дунаем, населенной самыми разными народами. Его логичнее отождествить с таким современным понятием как Центральная и Северная Европа. Об объединениях варваров в раннесредневековой Европе специалист по истории варваров Х.Вольфрам писал, что они не являлись «целыми» народами, а были объединением разнородных групп, составлявшим варварское войско⁵⁰.

В полной степени данная мысль приложима как к готам, так и к германцам, которых тот же Прокопий Кесарийский отнюдь не отождествлял с готами. Имя германцев, согласно ему, в VI в. растворилось в имени франков, а среди готских «племен» он называет и алан. Последнее очень логично увязывается с его представлением о готах, как савроматах и меланхленах: «В прежнее время, правда они назывались савроматами и меланхленами»⁵¹. Поэтому косные догмы современных германистов, породивших образ гомогенно чистых готы – германцев, совершенно не вписываются в полотно живой истории раннесредневековой Европы. Пёстрая история имени готов, отразившаяся, в частности, в многообразии форм этого имени: Gutones, Guten, Gothicus в титуле императора Клавдия II, Gutans, Gauthigoth, Gothia в дакийском топониме – , говорит о том, что

носители этого этнонима жили в симбиозе со многими народами, да и сами были достаточно сложного этнического состава. Стоит напомнить также, что у Иордана готы выступают преемниками фракийских гетов, а гетов византийский историк Феофилакт Симокатта (нач. VII в.) отождествлял со склавинами. Итак, если готы и германцы – не тождества в раннесредневековой Европе, то руги как одно из готских «племен» такие же германцы, как и другое готское «племя» аланы.

Руги на южнобалтийском побережье выступают явно как индоевропейский субстрат, на что в свое время обратил внимание английский историк Томас Шор, исследовавший происхождение английского народа. В известной монографии, посвященной этой проблеме, он специальную главу отвел для ругов и вендов, в которых он также видел часть предков англичан. Ругов он относил к народу, родственному вендам и другим славянским народам, и считал важным подчеркнуть, что в генезисе англичан важную роль сыграли и славяне⁵².

Шор напоминал, что среди народов, от которых произошли англичане, Беда Достопочтенный (672/673 – 735) называл и *ругиев* или *ругов*. Античные авторы локализовали и ругов, и венедов на берегу Балтики. Вполне вероятно, что на жителей побережья возле Штральзунда, которых называли ругини (Rugini/Rugians) распространялось и общее название – венеды. Шор напоминал, что остров Рюген являлся крупным религиозным центром венедов. На северной стороне острова, на мысе Аркона находился храм вендского бога Свентовита. Никаких следов «тевтонского» вероисповедания, подчеркивал Шор, на Рюгене не обнаружено, все следы – славянские. Поэтому, считал Шор, ругов, как и вендов, следует отнести к славянам, и напоминал, что многие народы, упомянутые Тацитом, были негерманского происхождения.

Шор указал на целый ряд топонимов, сохранившихся в старинных документах, которые явно указывают на поселения ругов в Англии в англосаксонский период – это Руанберг (Ruanbergh) и Руванбеорг (Ruwanbeorg) в Дорсете; Руганбеор (Ruganbeorh) и Руванбеорг (Ruwanbeorg) в Сомерсете; исчезнувшие Руванбеорг (Ruwanbeorg) и Руган (Rugan) в Уилтшире; Ругебеорге (Rugebeorge) в Кенте; Рувангоринга (Ruwangoringa) в Хэмпшире.

В так называемой «Книге страшного суда» Вильгельма Завоевателя (Domesday Book – свод материалов поземельной переписи в Англии 1086 г.) к топонимам, сохранившимся от ругов, Шор относил такие, как Руэнор (Ruenor) в Хэмпшире, Руэнхала (Ruenhala) и Руэнхале (Ruenhale) в Эссексе, Ругехала (Rugehala) и Ругелие (Rugelie) в Стаффордшире, Ругутун (Rugutune) в Норфолке, и Ругарторп (Rugarthorp) в Йоркшире. Рядом с Руэнор (Ruenore) в Хэмпшире находится Стуббингтон (Stubbington), название, которое возможно, было названием, перенесенным от Стубница (Stubnitz) на острове Рюген, полагал Шор.

Шор интересовался, в первую очередь, топонимикой, ведущей свое происхождение от этнонимов, и использовал топонимические данные в подтверждение мысли об очень пестром этногенезе англичан. Кроме вендов и ругов, напомнил Шор, свой след оставили говоляне, известные под именем Haefeldan, и которых король Альфред Великий (849 – 899) упоминал как *men of Havel*, а также вильцы, которые в 560 – 600 гг. поселились во Фризии и возвели там крепость, названную по их имени Вильтабург (Wiltaburg), а местность вокруг крепости – Вильтения (Wiltania)⁵³.

Но понятно, что этнонимы таким же образом влияли и на образование антропонимов. В частности, для приведенного выше топонима Рувангоринга (Ruwangoringa) образовывались такие соответствия в английской антропонимике как имена Руван (Ruwan) или Рован (Rowan), а также – Руген (Rugen). Таким образом, Руген как антропоним отыскивается в английском антропонимиконе и связывается с этнонимом руги и с миграциями ругов на Британские острова.

Поэтому исследования Шора об этнониме ругов как имяобразующей основы для личных имен, вошедших в английский антропонимон, вкупе с сообщением Байера о том, что имя Рюрик у «немцев» (т.е. у потомков ругов) встречалось в форме Ругорик, вполне достоверно обосновывают вывод о том, что имя Ругорик как один из вариантов имени Рюрик существовало в антропонимиконе южнобалтийских ругов, обнаруживая явную связь этой именной формы с топонимом Рюген и этнонимом руги. На Рюгене или шире – на южнобалтийском побережье оно маркировало северную границу ареала распространения этого имени в Западной Европе, а южной границей распространения этого имени была область, где образовалось Лиможское епископство в Южной Франции. Этот обширный ареал имел еще с римского времени оживленные контакты с Британскими островами, в русле которых люди обменивались, в том числе, и именами. Следовательно, такой вариант имени как Ругорик стоит в одном ряду с вариантами Рорик/Родерик/Родри и Руван (Ruwan)/Рован (Rowan)/ Руген (Rugen). Напомню ещё раз замечание А.Г.Кузьмина о том, что в итальянских версиях Истории Павла Дякона *Ругиланд* и *Рудиланд* были взаимозаменяемы.

Поскольку руги, интересующие нас в связи с именной формой Ругорик как в Центральной и Южной Европе, так и на Британских островах выступали в пестрой этнической среде, то стоит рассмотреть и более широкое славянское окружение ругов на южнобалтийском побережье.

Выдающийся российский ученый – славист А.Ф.Гильфердинг (1831 – 1872) так описывал Южную Балтию: «Простирающаяся по южному берегу Балтийского моря между реками Эльбой и Вислой равнина, усеянная песками, болотами и озерами, но обильная также плодородными

полями и богатыми пастбищами, – равнина, где теперь стоят Берлин и Бранденбург, Любек, Штральзунд и Шверин, Штетин, Франкфурт-на-Одере и Данциг и где сосредоточены самые деятельные силы немецкого народа, – в прежнее время населена была славянами. Славян, которые занимали эту страну, заключающую в себе нынешние области Лауенбург и часть Голштинии, Мекленбург-Шверин и Стрелиц, Бранденбург и Померанию, принято обозначать общим именем *славян балтийских*.

... Имена и место жительства этих племен мы знаем определенно из исторических свидетельств VIII и последующих столетий. Главнейшие из них были:

вагры, на крайнем северо-западе, в восточной половине нынешней Голштинии и на острове Фембре или Фемерне;

полабцы, на юге от них по берегу Эльбы, в нынешнем Лауенбургском герцогстве;

глиняне и смольняне, южнее полабцев, близ Эльбы...

рароги, иначе *бодричи*, по берегу Балтийского моря, на востоке от исчисленных племен, от реки Травны (Trave) до Висмарского залива, в западной, приморской половине великого герцогства Мекленбург-Шверинского;

варны, тоже на берегу моря, у реки Варновы (Warnow), в восточной части Мекленбург-Шверинского в[еликого] герцогства.

Все эти племена составляли обыкновенно союз и являлись в истории под общим наименованием *бодричей*.

Другой союз племен, живший на востоке от бодричей, от р. Рокитницы (Reckenitz) до Одры, обозначался общим именем *велетов* или *лютичей*; к ним принадлежали:

... *ратаре* или *радгоцане*, на юг от р.Пены за Доленицей, в нынешнем Мекленбург-Стрелицком в[еликом] герцогстве;

моричане, на юг от долечан и запад от ратарей, около озера Морьца (Müritz-see)...

На севере от земли лютичей лежал остров *Руя* (Рюген), населенный также славянами: они составляли особое племя, называвшееся *руянами* или *ранами*.

За Одрой примыкало к лютичам большое племя *поморян* (в нынешней Померании и части западной Пруссии). Они простирались по берегу Балтийского моря до низовьев Вислы; к югу они граничили, по черте реки Нотеци (Netze), с польскими славянами. К поморянам принадлежали также *волынцы*, жители острова *Волыня* (Wollin), лежащего насупротив устья р.Одры; восточная часть поморян, ближайшая к р. Висле, носила впоследствии особое имя *кашубов*⁵⁴.

Из этого обзора мы видим, что в раннее средневековье руги/руяне составляли особый народ и не входили в союз с другими южнобалтийскими славянами, в частности, с соседними ободритами.

Однако именно второе имя ободритов – рароги/ререги обсуждается до сих пор в связи с именем Рюрик. К обсуждению подключается и название центра ободритов Рерика, построенного около 700 года и разрушенного в 808 году королем данов Готфридом (Godfred, Gudfred, Gøtrik, Gudrød), ум. 810 г. Схожесть этнонима *рароги/ререги*, топонима *Рерик* и антропонима *Рюрик* слишком заметна, чтобы отмахнуться от нее восклицанием «Ах, это все случайные созвучия!». От нее и не отмахиваются. Вот уже порядка двухсот лет идет дискуссия о том, правильно ли видеть связь между рарогами/ререгами, Рериком и именем Рюрик или неправильно.

Известный чешский славист П.И.Шафарик (1795 – 1861) был уверен, что второе название ободритов (он читал его как *рарожане* – *ragožané*) следует толковать от слова *рарог* (*falco cyanus*), что в польском и чешском языке означало *сокола*. От слова *сокол* следовало, по его убеждению, производить и название крупного центра ободритов (известного в литературе как *Рерик*), которое Шафарик писал тоже как *Рарог*, напоминая в качестве аргументации, что многие славянские народы, в частности, сербы, русские, чехи и поляки использовали имена грозных хищных птиц в качестве названий населенных пунктов, и приводил такие топонимы как Рарог (у поляков), Сокол, Орел, Ястреб⁵⁵.

Сходное мнение высказывал и А.Ф.Гильфердинг, отмечая, что «...другое имя бодричей, *рароги*, объясняется польским и чешским словом *рарог* (сокол). ..у Висмарского залива процветала торговля в Рароге (в Прим.: «У датчан назывался он *Reric*), главном городе бодричей, которые сами назывались рарогами. .. Однако уже в IX в. война коснулась Рарога и пресекла его деятельность. Разрушенный датчанами, он опять отстроился, но никогда уже не получал прежнего торгового значения. Даже славянское имя его вскоре исчезло, по крайней мере, в летописях более не встречается, и заменилось немецким названием *Микилинбурга* (т.е. Большой город). Хотя нет на то прямых свидетельств, но можно, кажется, принять за верное, что Рарог и Микилинбург один и тот же город: ибо 1) и тот и другой именуется главным городом бодричей; 2) бодричи носят прозвище рарогов в то самое время, когда летописцы называют главный город их Микилинбургом... поэтому, если мы предположим, что Микилинбург имел свое славянское название (а это, кажется, несомненно), то едва ли найдем другое, как Рарог, которое именно совпадало бы с общим названием бодрицкого народа»⁵⁶.

Таким образом, и Шафарик, и Гильфердинг полагали, что этноним *ререги* и топоним *Рерик* были связаны между собой, имели славянское происхождение и обозначали сокола. Это мнение оспаривается сторонниками идеи скандинавского происхождения топонима *Рерик*, что является частью доказательств скандинавского происхождения имени *Рюрик*. Примером может служить высказывание современного российского историка С.В.Алексеева, который заявлял, что скандинавы

звали Велиград Рериком, и поскольку это название, действительно, перекликается с именем Рюрик, то лучшего доказательства неславянского происхождения этого имени трудно себе представить⁵⁷.

Поскольку сторонники противоположных взглядов на происхождение топонима *Рерик* (а следовательно, и на происхождение антропонима *Рюрик*) ссылаются на одни и те же западноевропейские источники, следует привести основные из них.

Адам Бременский писал об ободритах – ререгах (II, 21): «После них (после вагров – Л.Г.) идут *ободриты*, которые сейчас называются также *ререги*. Их главный город – Мекленбург (*Magnopolis* в латинском оригинале – Л.П.). От них в нашу сторону живут полабы, у которых главный город Ратцебург. За ними живут линяне и варнабы. .. Есть и другие славянские народы, живущие между Эльбой и Одером, такие как говоляне по реке Гавел... Среди них по своему главенствующему положению и могуществу выделяются редари. Их прославленный город Ретра – центр идолопоклонства. Там сооружен большой храм в честь их богов, первейший из которых Радгост. Его статуя из чистого золота, а постамент убран пурпурным покрывалом. В город ведут девять ворот, а сам город окружен глубоким озером, до него можно добраться по деревянному мосту... Говорят, что этот храм расположен на расстоянии четырех дней пути от Гамбурга». О *ререгах* хронист упомянул и в другом месте: «Все славянские народы, подчиняющиеся Гамбургскому архиепископству, стали верными христианами в правление этого князя (Мстивоя – Л.Г.), этими народами были вагры, ободриты, ререги и полабы..»⁵⁸.

Автор анонимной хроники XII в. «Саксонский анналист» в статье под 952 г. перечисляя славянские народы, также упомянул ободритов под двойным именем «ободриты или ререги».

Но со ссылкой на «Анналы королевства франков», в которых под 808 г. отмечалось, что город на языке данов назывался *Рерик*⁵⁹, целый ряд исследователей не перестают настаивать на том, что название *Рерик* следует толковать из датского языка. Однако непосредственно в датском языке подходящей этимологии в подтверждение данного тезиса обнаружено не было, поэтому как обычно, ухватились за первое, представлявшееся подходящим, а именно за др. – исл. *reyrr* – *тростник*, поскольку якобы город был расположен в озерной котловине, покрытой густыми зарослями тростника⁶⁰.

Объяснение достаточно нелепое, особенно с учетом того обстоятельства, что до сих пор нет полной уверенности в том, какой город считать историческим преемником Рерика, соответственно, невозможно знать, в озерных ли тростниках был размещен Рерик или в окружении иной растительности. Да, и вообще, причем здесь древнеисландский!

Название города Рерик совершенно очевидно связано с этнонимом *ререги*, а этот последний связан с ободритами. Однако у Адама Бременского название *ререги* употребляется как вкупе с названием *ободриты*, так и отдельно от него. Из этого следует закономерный вывод о том, что *ререги* было изначально названием отдельного народа. А поскольку имя этого народа совершенно определенно названо в числе имен славянских народов, таких как вагры, полабы и те же ободриты, то вполне логично и в нем видеть самоназвание одного из южнобалтийских славянских народов.

Но само название *ререги* является каким-то трудноуловимым. «Это имя темно – , замечает Гильфердинг. – Подлинность его подтверждается тем, что сами бодричи, по словам двух вернейших свидетелей касательно славянского Поморья, Адама Бременского и Гельмольда, назывались другим именем Reregī (тоже говорит и Annalista Saxo под 952 г.). Шафарик, читающий это имя как *Rarog*, *rарожане*, производит его от слова *rарог*, существующего до сих пор в польском языке в значении особой породы соколов..»⁶¹.

Современный немецкий историк и археолог Андрей Пауль, который прекрасно доказал, что славянским самоназванием германоязычного экзотнонима ободритов было варины (вары, варны), дал интересное толкование связи между именами ободритов и ререгов. А.Пауль подчеркивает, что в XI веке название «ободриты» для славян, проживавших восточнее вагров, казалось хронисту Адаму Бременскому не соответствующим реальности анахронизмом: «ободриты, которые ныне зовутся ререгами», т.е. формой названия ободритов в XI веке, по Адаму, было ререги. Историк также полагает, что версия происхождения названия города Рерик от самоназвания ободритов как ререгов, выглядит возможной, т.е. он продолжает, в принципе, линию Шафарика и Гильфердинга о славянском происхождении этнонима *ререги* и топонима *Рерик*.

Сходно с моими взглядами рассматривает А.Пауль и сообщение Франкских анналов о том, что Рерик назывался так «на языке данов». Он считает, что данное сообщение отнюдь не тождественно тому, что это слово происходило из датского языка. В начале IX века, сразу после разрушения Рерика, поясняет Пауль, франко-датские связи осуществлялись через датских купцов, поэтому сообщение франкского хрониста о «названии города на языке данов» в действительности показывает лишь то, что информация о городе и его названии была получена от данов и переданное ими название не было франкам известно. Но это отнюдь не исключает возможности того, что даны могли называть город ободритов его славянским названием, от названия ободритов – ререги. То есть Рерик – город ререгов, что косвенно указывало бы на существование такой формы названия ободритов уже в IX веке⁶².

Идея ререгов как производного от *rarog* – сокол находит достаточно серьезную аргументацию. Хорошо известно, что сокол у многих народов был почитаемой птицей, выступавшей реанкарнацией различных божеств, часто связанной с солнцем или со стихией огня, с небесной молнией. *Ререги* как *рарожане* вполне допустимы и чисто лингвистически, по аналогии *ратари* и *редари* как их латинский вариант. Так что вполне логично заключить, что название *ререги* было производным от божества по названию *Rarog*. Но тогда название *ререги* выступало не столько как этноним, сколько как обозначение приверженцев культа. И в этом случае возможно, что народ, известный по экзоэтнониму как ободриты, а по самоназванию как варины, возглавив союз нескольких южнобалтийских народов, принял на себя и культовое имя *ререгов*.

Высказывались предположения, что образ Рарога был генетически связан с древнерусским Сварогом и птицей из русских заговоров Рахом или Страхом, олицетворявшей огненный ветер – суховей, а также с иранским божеством Веретрагной, одна из инкарнаций которого — сокол⁶³.

Что касается древнерусского Сварога, то на южнобалтийском побережье его ближайшей «родней» было божество Радгост, капище которого находилось в земле велетов – лютичей, в Ретре/Радигоще. Правда, Гильфердинг был уверен, что под именем Радгоста скрывалась общая для балтийских славян святыня, выступавшая в других землях под разными именами. От Титмара Мерзебургского остались описания храма в Радигоще: «Внутри (великолепного храма Радигощского) стоят рукотворные боги; на каждом нарезано его имя; они свирепым образом облечены в шлемы и латы. Первый из них называется Сварожичем (Suarasici): все язычники чтут его и поклоняются ему более прочих богов». Гильфердинг обращал внимание на тот факт, что рассказ Титмара о Сварожиче очень схож с рассказом Гельмольда о Святовите. Отсюда и вывод Гильфердинга: в Ретре и в Арконе поклонялись одному божеству, скрытому под разными именами⁶⁴. Адам Бременский, как было показано выше, именовал главного бога редариев (они же ратаре/радгощане у Гильфердинга и они же часть велетов/лютичей) Радгостом, а его культовый центр – Ретрой.

Радгост интересен в данном исследовании тем, что поскольку его другим именем являлось имя Сварожич, то именно это давало возможность связывать его с вышеупомянутым огненным духом Рарогом и соколом как зооморфной ипостасью Рарога, от чего перебрасывался мостик к ререгам, Ререку и соответственно, к имени Рюрика.

На связь имени Рюрика с образом сокола начали обращать внимание ученые еще в XIX в. В России об этом стал писать литератор и историк Е.И.Классен (1795 – 1862). Так он отмечал, что «у древан сокол назывался Руриком, у поморян – Рюриком, у верхних лужичан – Рурком. .. У Славян

имена орла и сокола употреблялись искони как эпитеты молодечества; это мы видим из народных песен, сказок и поговорок... В доказательство того, что эпитетное имя Рюрик принадлежит Славянам, мы видим, что Рюриком назывался брат владетельного князя Богемского»⁶⁵.

Здесь стоит напомнить, что и польский анналист Ян Длугош писал имя древнерусского князя именно как Рурек (в лат. оригинале Rurek – Л.Г.) или как Рурко⁶⁶, а поскольку Длугош писал до того, как тьма норманистских утопий сгустилась над исторической мыслью, то его варианты имени Рюрик как Рурек и Рурко являются вполне достоверными и подтверждают подлинность вариантов, приведенных Е.И.Класеном.

Идею о связи имени Рюрик с соколом развил С.А.Гедеонов (1816 – 1878) в своем прославленном труде «Варяги и Русь», где он указывал: «Коллар... отыскивал этимологию имени Рюрик в чешском *garoh*, польском *garog* = *falco cyanus*, сокол ... в имени вендского племени *рериков* – *reregí* и города *Reric* (Мекленбург). При отсутствии указаний на историческую и лингвистическую связь между этими названиями и именем Рюрика предположения Яна Коллара, без сомнения, много теряют из настоящего своего значения. Г.Куник отвергает их по двум причинам: 1) в древнепольских и древнеславянских именах нет живых примеров имени Рюрик; 2) *garog* имя не личное, а название города или птицы; сходство имени ...Рюрика с названием города *Reric* и сокола *garoh*, явление случайное...

На первое из этих возражений я мог бы отвечать, что историк, не допускающий славянского происхождения Рюрика потому, что имя его не встречается у прочих славянских народов, должен вместе с ним, производить от норманнов и князей *Sederich'a*, *Пяста*, *Крока*, *Tunglo*, *Щека*, *Хорива* и т.п., коих имена не только неизвестны у прочих славян, но и в своих собственных историях являются только по одному разу. Но мы не имеем надобности прибегать к этому толкованию. Польская летопись упоминает о польском воеводе *Ририке* под 1536 г. .. Имя Рюрика под его основной формой *Рерик* – *Reric* встречается в числе имен древнечешских родов (*die Ritter – Standes Familien*), заседавших на богемских снечах ... Оно сохранилось и в горлицком дипломатическом акте 1490 года: "*Peter Rerig der Stadschreiber*"... Имя *Рериков* (*Reregí*) не есть собственно племенное, а прозвище... Как лутичи *волками*, так оботриты прозывались *соколами* вследствие особого уважения к религиозному и символическому значению этих животных у той или другой народности... Орел (или сокол) изображен у Маша на двух фигурках оботритских богов... Формы *Рерики*, *Рерик* принадлежат, стало быть, не германскому искажению, не неведению Эйнгарда, Адама Бременского и т.д., а грамматическим свойствам славянского племени, произносившего *рерик* (сокол) вместо *garoh*, *garog*. На форму *Reric* указывает и постоянно одинаковое чтение имени города *Reric*, *Reric* у Эйнгарда *ad. ann. 808, 809*; *Reric* в *Ann. Fuldens. et Met.* под

теми же годами. Ту же форму находим и в названиях впадающей в Одер, под Кенигсбергом, реки Рерик die Rörike и принявшего от нее имя Рерик командорства иоганнитеров, около половины XIII столетия». Далее Геденов приводит убедительные примеры того, как племенные названия становились частью антропонимов. У славянских князей встречалось имя Волка, происходившее от племенного названия волков – лютичей. В чешских дворянских родах встречалось имя Сокол. Поэтому Рюрик как личное имя могло образоваться от рерик/сокол. Племенному названию драговитов соответствовало имя Драговита, племенному названию вильцев – личное княжеское имя Вильцана, поэтому логично, что племенному названию рерики/ререги соответствовало личное княжеское имя Рюрик/Рерик⁶⁷.

Историк Ю.В.Венелин (1802 – 1839), критикуя словопроизводство норманистов и будучи убежден в южнобалтийской родине варягов, язвительно писал, что «если уже надлежало бы полагаться на созвучие и производство имен и переход оных от народа к народу, то нужно бы искать их начала (как русских, так и шведских) у варягов. Следственно, шведы могли занять от варягов таким же образом своего *Рерика, Ерика, Рорикра*, как русские своего *Рюрика* и пр... имена, кончающиеся на *-ик*, совсем не свойственные ни немецкому, ни шведо-датскому. Они суть главная принадлежность славянских племен... у западных иностранных славян, как у чехов, моравов, словаков в северо-западной Венгрии... сии окончания общеупотребительные... Михалик, Юрик, Курик, Стойник, Рогачик, Ерик. (Юрик и Ерик уменьшительные русского Юрий. У поляков он называется *Jerzey*). Сие окончание было свойственно и варягам, что видно: 1-ое) из соседства их с сорбами и чехами. 2-е) из имен собственных их королей: Генирик, Гунерик <...>, Аларик и проч. 3-е) из имени *Рюрика*, так называемого между варягами. 4-е) что *Рюрик* и *Ерик* находятся между самими варягами, от коих сие последнее перешло и к шведам <...>»⁶⁸.

Итак, имя Рюрик встречается у чехов как *Regich*, у поляков как *Ририк, Рурек* и *Рурко*, на онемеченном Рюгене как *Ругорик*. А как обстояло с этим именем в Восточной Европе?

С.Н.Азбелев исследовал устные рассказы, записанные собирателями фольклора от народных исполнителей через тысячу и более лет и содержащие сведения о происхождении Рюрика. С.Н.Азбелев подчеркивал, что этот материал не принимался во внимание историками, несмотря на то, что содержит дополнительные интересные данные.

Например, пишет С.Н.Азбелев, довольно обстоятельное предание о призвании Рюрика записал в Олонецкой губернии известный фольклорист Е.В.Барсов (1836 – 1917) в XIX столетии. Оно повествует, что князь Юрик приехал «из северной стороны» и «распоселился жить в Ладогге». Но «тут ему место не по любви, и приезжает он в Новгород Великий, и не с голыми руками, и в союз вступает». Юрик понравился новгородцам, которые

согласились сначала платить ему небольшую дань, а затем постепенно увеличили ее по просьбе князя Юрика, «и поныне помнят этого домового хозяина и в Северной уkraine, и в Олонецком крае, и в Новгороде»⁶⁹. Следовательно, на Руси имя *Рюрик* принимало форму *Юрик*, похожую на уменьшительное от Юрий. Но современная наука уверяет, что *Юрий* – это производное от греч. Георгий, хотя вроде бы, внятного объяснения того, как *Юрий* «произвелось» от *Георгий*, нигде не дано. Поэтому думаю, что связь между *Георгий* – *Гюрги* – *Егорий* и *Юрий* есть, но искать ее истоки надо в именословах древних русов, тех русов, которых нет в современной исторической науке, но которые обнаруживаются как ДНК-генеалогией, так и моими историческими исследованиями. Так, выявляется, что имя Юрий/Юрик, т.е. одна из форм имени Рюрик встречается у иллирийцев и венетов в форме Юрикус, а также Йорико, т.е. как вариант Юрико или Юрик.

Специалист по иллирийским языкам Ханс Крае зафиксировал эти формы, введя в словарь древнеиллирийских личных имен, как Jorico или Iorico. Имя Jorico зафиксировано на острове Керкира/Корфу (Jorico. Corcyra.) Иллирийцами этот остров был захвачен в 229 году до н.э., соответственно, уже с этого периода принесенное иллирийцами имя Jorico могло стать известным на Корфу.

В форме Iorico оно встречается в произведениях прославленного римского полководца и литератора, покровителя искусств Марка Валерия Корвина (64 до н.э. – 8 н.э.). М.В.Корвин принадлежал к знатному римскому роду, образование получил в Афинах вместе с Горацием и молодым Цицероном, стал известен как влиятельный политик и плодовитый литератор, хотя большинство его произведений было впоследствии утеряно. Его перу принадлежали воспоминания о гражданской войне, лирические произведения и переводы с греческого, история знатных римских родов и др.

Кроме того в словаре Х.Крае приводится имя Юрикус/Juricus, обнаруженное в Северной Италии (Juricus. Oberitalien. Juricus Triumonis libertus)⁷⁰. Северная Италия – древнейшая область расселения венетов, которые переселились сюда, согласно античным авторам, в XII – XI вв. до н.э. В начале II в. до н.э. началась римская колонизация области расселения венетов, которая к 183 г. до н.э. вошла в состав римской провинции Цизальпийская Галлия.

Какой вывод можно сделать на основе приведенных данных? Юрий традиционно считается русской формой имени, образовавшейся от греческого Георгия, хоть и непонятно как. Но если такая форма фиксируется в иллирийском и возможно, венетском именословах, то тогда имя Юрий оказывается более архаичной именной формой, поэтому как раз имя Юрий могло быть исходным для имени Георгий, поскольку иллирийцы принесли его на греческий архипелаг и в Северную Италию в

ходе своих миграций и завоеваний. А кто такие иллирийцы в данном контексте? Они с одной стороны, посредническая среда для переноса культурных импульсов из Восточной Европы, т.е. от древних русов, но с другой стороны, они зона праславянского населения – будущих чехов, моравов и других западных, а также южных славян. И если Юрик – древнерусская форма, то Рюрик или Рурик/Рерик/Рериг/Рурко – это западославянская форма того же самого имени. Обе эти именные формы могли уноситься волнами иллиро-венетских переселений и получать распространение во вновь заселенных землях.

Это объясняет появление имени Jorigo и Juricus на Корфу и в Северной Италии как минимум в последние века до н.э., а также – последующее закрепление этого имени в благородных римских именословах (Рурик – правитель римской провинции в IV в.), а с римским завоеванием Галлии – в именословах римско-галльской знати и духовенства. Но интересно, что в именословах Галлии отыскивается и имя Jurius. В каталоге М.Морлэ «Личные имена на территории бывшей Галлии в VI – XII веках» приводятся такие сведения об имени Jurio с вариантом вариантом Jorigo – производных от Georigu, уменьшительной формы имени Georgius. Это имя отразилось в названии местности Saint –Jure (Moselle), т.е. Святой Юрий (Мозель), в XII веке была вилла (поместье) S. Georgii – святого Георгия. Но добавляется также, что Jurio/Jorigo может также представлять производное от галльского имени Jurius, которое встречается в других названиях местности, например Juré (Loire) – Юрэ на Луаре и Jury (Moselle) – Юрий на Мозеле⁷¹.

Картина, на мой взгляд, получается очень любопытная. С одной стороны, имеется муниципалитет на северо-востоке Франции, который назван в честь Святого Георгия, но имя прославленного святого дано в типично русской форме: Святой Юрий/Saint Jure. С другой стороны, во Франции есть два других муниципалитета, названия которых «Юрэ на Луаре» и «Юрий на Мозеле» (неподалеку от муниципалитета Святого Юрия) связывают с галльским именем Jurius.

Разобраться в том, о чем эта картина рассказывает, помогают сведения ДНК-генеалогии о миграциях носителей гаплогруппы R1a из Восточной Европы на Запад также, как это было представлено при рассмотрении миграции волотов/велетов на запад.

Вот приблизительная хронология миграций интересующих нас носителей R1a: где-то на рубеже поздней бронзы – раннего железа (хронология очень приблизительна и может быть уточнена) на южнобалтийском побережье встретились и стали взаимодействовать две ветви R1a: представители R1a-M458 (с максимальной частотой встречается в Польше, Словакии, Белоруссии, Чехии и у др. славянских народов) и R1a-Z280 (Z283>Z282>Z280), носителями которой является около половины мужского населения русских, украинцев, белорусов. В зоне

взаимодействия этих волн миграций славенорусов (если воспользоваться сдвоенным этнонимом из Сказания о Словене и Руск) складывались и именословы, благодаря чему мы на вендо-иллирийских территориях видим, например, древнерусское имя Юрика/Юрикуса. В этом же ареале через определенное время данное имя проявилось в форме Рурик с различными вариациями, но уже в западнославянских именословах. В русле древних иллирийско-венетских миграций имена имена древних славенорусов переносились в Северную Италию, а оттуда – в Галлию. Так на территорию Галлии пришло имя Юрия/Юрика/Рурика .

И здесь пора обратить внимание на одну особенность бытования этого имени в истории, а именно: необыкновенно обширную территорию его распространения и необычайное многообразие именных форм. Эта особенность вызывает сравнение с основными именами из известных религиозных именословов. Например, такие христианские имена как Иоанн и Мария распространились во всех европейских именословах и адаптируясь к местным языкам, приобрели бесчисленное множество вариантов и форм, часто далеко отошедших от исходной именной формы и внешне, и по произношению. Всё, что мне удалось узнать об имени Рюрик, даёт основание предполагать, что с этим именем была связана какая-то сильная сакральная традиция, которая и делала его таким привлекательным для многих правящих династий и для представителей церкви. Общеизвестно, что проповедники христианства стремились популярным языческим божествам и их теонимам подобрать христианских заместителей с именами, по возможности созвучными языческому теониму. Общеизвестны, например, Волос и его христианский преемник Св.Власий. В Галлии мы видим, что имя Святого Георгия имеет такой аналог как Saint Jure/Святой Юрий. Но кроме этого в Галлии зафиксировано и имя Jurius, которое местной традицией воспринимается как галльское. Причем это имя настолько прославленное, что им были названы поселения, в наше время ставшие муниципалитетами. Только ведь имя Юрий хорошо известно и в русской традиции, где оно считается русским эквивалентом Георгия.

Попробуем разобраться, что за сакральная традиция скрывается за именем Рюрик, которое в северорусской традиции произносилось как Юрик. И для этого следует вернуться к связи имени Рюрика с соколом.

Божество Рарог и его зооморфное воплощение сокол

Выше напоминалось, что о связи имени Рюрик с соколом писали многие видные историки и лингвисты. Литератор и историк Е.И.Класен отмечал, что сокол у многих западнославянских народов назывался рюриком: «...у древан сокол назывался Руриком, у поморян – Рюриком, у верхних лужичан – Рурком. .». Идея о связи имени Рюрика с соколом

получила развитие у С.А.Гедеонова, который ссылаясь на словацкого лингвиста и литератора Яна Коллара (1793 – 1852), видевшего этимологию имени Рюрик в чешском *raoh* и польском *ragog* со значением сокол. А.Г.Кузьмин также обращал внимание на связь названия сокола у западославянских народов в форме Рарог, Ререг, Рурк и имя Рюрик⁷².

С.А.Гедеонов высказал важную мысль о том, что сокол у многих народов имел особое религиозное и символическое значение, в силу которого его имя могло использоваться и как этноним, и как личное имя. Полностью разделяю эту мысль, поскольку Рарог – более сложный мифический образ, чем просто название птицы. Рарог, Рарашек, Рариг – так именовался огненный дух, связанный с культом очага⁷³. Согласно чешским поверьям, Рарог может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей высиживает человек на печи⁷⁴.

Рарога представляли в образе птицы (обычно хищной — сравни чеш. *raoh* — сокол, словац. *járašek, járog, ráročica*, хорв. *rarov*, лит. *ràrogas*) или дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря. Выше уже упоминались предположения, согласно которым образ Рарога был генетически связан с иранским божеством Веретрагной, одной из инкарнаций которого был сокол, а также – с птицей из русских заговоров Рахом или Страхом, олицетворявшей огненный ветер – суховея, а также с древнерусским Сварогом⁷⁵.

Ближайшей «родней» древнерусского Сварога на южнобалтийском побережье было божество Радгост, капище которого находилось в земле велетов – лютичей, в Ретре/Радигоще. Правда, Гильфердинг был уверен, что под именем Радгоста скрывался общий для балтийских славян объект поклонения, выступавший в других землях под разными именами. От Титмара Мерзебургского остались описания храма в Радигоще: «Внутри (великолепного храма Радигощского) стоят рукотворные боги; на каждом нарезано его имя; они свирепым образом облечены в шлемы и латы. Первый из них называется Сварожичем (*Suarasici*): все язычники чтут его и поклоняются ему более прочих богов». Гильфердинг обращал внимание на тот факт, что рассказ Титмара о Сварожиче очень схож с рассказом Гельмольда о Святовите. Отсюда и вывод Гильфердинга: в Ретре и в Арконе поклонялись одному божеству, скрытому под разными именами⁷⁶. Адам Бременский, как было показано выше, именовал главного бога редариев Радгостом, а его культовый центр – Ретрой. Радгост интересен в данном контексте тем, что поскольку его другим именем являлось имя Сварожич, то именно это давало возможность связывать его с вышеупомянутым огненным духом Рарогом, генетически связанным и со Сварогом, и с соколом как зооморфной ипостасью Рарога, от чего перебрасывался мостик к имени Рюрика.

Интересные исследования по затронутой проблеме предложил в свое время известный лингвист и литературовед, автор трудов по общей теории языка, поэтике, семиотике, сравнительной мифологии Р.О.Якобсон. В статье, специально посвященной анализу имени Сварога в рамках сравнительной мифологии, Якобсон рассуждал о том, что мифологические показания древнерусской письменности называют в числе богов Сварога и его сына Сварожича, отождествленного с Солнцем и делящего свой патроним с главным идолом полабского храма в Ретре, согласно описанию очевидца. Исследователь обратил внимание на то, что в пограничных, частью онемеченных округах ляхитских и словенских корней, наблюдатели, по свидетельству чешского историка Яна Пейскера, обнаруживают «многочисленные» примеры возвышенностей с названиями, таящими имена Сварога и Сварожича, в единичных случаях с сохранением начального *s*, но чаще с табуированным *t*: таковы *Swarožyno Siodło, Twarožna góra, Twaraschitzberg*.

Якобсон считал, что оба эти мифологических имени связаны с древнеиранской мифологией, конкретно, «с экспансией индоиранского мифа» о божестве войны и победы Веретрагны, имя которого соответствовало эпитету Индры в ведийской мифологии Вритрахан – «Убийца Вритры».

Якобсон поставил своей задачей расследовать, по его выражению, «ирано-славянскую диффузию» мифа о Свароге и пришел к выводу о том, что наиболее «вероятным источником славянского, явно заимствованного имени SVAROGЪ, надо считать иранское мифологическое имя VR̥θRAGNA с его задним открытым гласным между вибрантом и велярным согласным...славянская форма наиболее тесно связана с диалектным среднеиранским обликом VARAGN, на который в 1950 году обратил внимание ученый – иранист П.Тедеско. Начальный согласный славянской формы – либо новый пример беглого *s*, либо контаминация со славянским корнем *svar-*, означающим «отповедь, распрю» и созвучным семантически с иранским VR̥θRA, «сопротивление», т.е. с первой частью составного имени VR̥θRAGNA»⁷⁷.

«Нельзя исключить возможность того, – дополнил это рассуждение Якобсон, – что славянский корень, обычно возводимый этимологами к индо-европейскому *swer- говорить, скорее принадлежит к той же самой словестной семье как индоиранское *vāra- и *vr̥tra- и т.д., проявляющегося в чередовании *swer- от корня *wer «закрывать, защищать, оказывать сопротивление»⁷⁸. Имя Рарог/Ярог (Rarog/Jarog) анализировалось Якобсоном совокупно с теонимом Сварог и расценивалось как его фольклорное «эхо».

Аналогом *рарога* в древнерусской мифологии был *сокол*. Например, словацкий и чешский славист П.Шафарик (1795 – 1861) указывал на то, что слово *рарог* существовало в его время в польском языке в значении особой породы соколов.. »⁷⁹. Сокол у многих народов был почитаемой

птицей, выступавшей реанкарнацией различных божеств и часто связанной с солнцем или со стихией огня, с небесной молнией.

А.Н.Афанасьевым были собраны об этом следующие сведения: «Народные русские песни до сих пор величают сокола: свет ясён сокол, т.е. птица, быстрая как свет, как молния. Как слово ясный совмещает в себе понятия света и скорости, так сербское бистар (=быстрый) означает: светлый... По единогласному свидетельству преданий, сбереженных у всех народов арийского происхождения, птица принималась некогда за общепонятный поэтический образ, под которым представлялись ветры, облака, молнии и солнечный свет...фантазия создала своих баснословных птиц, олицетворяющих небесные грозы и бури...Агни превращался в голубя, а Индра, владыка громов и молний, принимал образ ястреба. Любимыми и главнейшими воплощениями бога-громовика были орел и сокол...Индусы верили, что искры небесного пламени принесены на землю златокрылым соколом...в Ведах Агни называется быстрою, златокрылою, чистою и огненной птицей и сильномогучим соколом»⁸⁰.

Хищная быстрокрылая птица действует в «Ригведе», как похитительница сомы (Сомы) – напитка бессмертия богов с высшего неба для учредителя жертвоприношения Ману, который стал готовить его для Индры; Сома выступал также в ипостаси одного из основных богов «Ригведы», жениха Сурьи, дочери Солнца. Птица, похищающая сому, некоторыми переводчиками «Ригведы» переводится также как *сокол* (U.Schneider), а некоторыми – как орел (Т.Я.Елизаренкова).

Образ демонической птицы, наделенной божественной сущностью, под именем Парога и его вариантов получил широкое распространение в древнерусской, западно-славянской мифологической и языковой традициях.

Возвращаясь к статье Якобсона, приведу те многочисленные примеры, которые были взяты им из перечней чешских поименных мифических существ, составленных чешскими лингвистами Яном Коринком (Ján Kořinek) и Вацлавом Махеком (Václav Machek): словенские JÁROG, JÁROŽICA, RÁRON, RÁROG; польские JAROG, RARÓG; силезский JARÁŠEK; чешские RÁRACH, RARÁŠ, RARÁŠEK, RADÁŠEK (ю. чеш. формы с расподоблением внутренних согласных), RARAŠIK, RARÁŠČATA, RÁROŽ, RÁRONY, RARON, RAROCH; словацкие RÁRON, RARÁŠIK⁸¹.

Согласно наблюдениям Якобсона, славянский Парог/Ярог в своих демонических характеристиках и функциях проявляет целый ряд ярких сходств с иранскими образцами, особенно с именем, данным в Авесте седьмому перевоплощению бога Веретрагны (VR̥θRAGNA), которое занимает особенно значимое место в характеристике героя, превращая последнего в наивысшей породы сокола, Вэрагну/Варгана (VĀRAGNA).

Оба сложносоставных имени – Веретрагна (VR̥θRAGNA) и Вэрагна (VĀRAGNA), – обосновывал свою мысль Якобсон, имеют один и тот же корень в начальном компоненте имени *wer; кроме того, совпадает их смысловое значение – «разбивающий препятствие, победитель над противником».

Поэтому, именно прозвание сокола Вэрагна/Варгана (VĀRAGNA), делает вывод Якобсон, послужило исторической формой для образования славянских имен Рарога/Ярога. Сравнивая эти формы имени с иранской формой varhraun, Якобсон допускал потерю начального *v* и возможное образование промежуточных славянских форм *orrogъ, *arrogъ или *arog, которые могли дать jarogъ с предвокальным *j* или же иранское сочетание начального *a* с долгим *r* дало ход метатезе: *ar* < *pa* и переходу в *rarog*. Оба перехода распространены во всех перечисленных языках, напоминая Якобсон. Усвоение иранской формы VĀRAGNA, обозначавшей воплощение бога VR̥θRAGNA в высшую разновидность сокола, по убеждению Якобсона, и дало ход в славянском языковом мире целой череде имен для мифологической птицы, сохранившей идею демонического характера иранской мифологической птицы, но с **существенно отличной языковой окраской** (выд. мной-Л.Г.)⁸².

В контексте данного раздела важно обратить внимание на две вещи. Во-первых, очень важен вывод Якобсона о том, что западно-славянский *Рарог/Ярог*, сопричастный мифу о древнерусском Свароге, имеет несомненное **мифологическое сходство** с героями ведийской и авестийской мифологии.

Во-вторых, сделав этот вывод, Якобсон задается, вопросом о том, как это сходство возникло в древнерусской традиции, т.е. откуда оно туда явилось? И тут мы видим, что мысль исследователя возвращается в круг сложившихся за XIX в. убеждений о позднем старте русской истории, начало которой привыкли связывать с периодом расселения восточноевропейского славянства не ранее VII – VIII в. И это ярко иллюстрирует зависимость лингвистического анализа от исторического контекста. В публикациях о гносеологии норманизма как шведском политическом мифе я показала, что поздняя датировка начала древнерусской истории пришла в российскую историческую науку также из шведского рудбекианизма.

Что касается бросающегося в глаза сходства древнерусских и арийских мифологических образов и сюжетов, то оно объясняется очень просто – они рождались в одной колыбели, в Восточной Европе, где арии и древние русы долгое время находились в границах одной культурно-языковой общности. Но если потерять целые тысячелетия от начал древнерусской истории (что собственно и произошло в силу влияния западноевропейских исторических утопий), то отмеченное сходство древнерусской и арийской мифологии подпадает под неверное объяснение

сплошных заимствований, в данном случае – в арийской традиции. И проблема для исторической мысли стала видеться только в том, чтобы определить пути проникновения арийского влияния в славянскую среду (чаще всего посредничество на этом пути отводилось «германцам»).

На это и были до сих пор направлены усилия исследователей в области сравнительной мифологии, одним из наиболее известных примеров которых являются приведенные выше работы Р.Якобсона, убежденного в иранском заимствовании древнерусского имени Сварога и западно-славянских Ярога/Парога, что как теперь становится понятно, неверно, поскольку и ведийский Индра Вритрахан, и авестийский Веретрагна, и древнерусский Сварог с рассматриваемыми здесь такими «отзвуками» имени божества как Ярог/Парог относятся к общей эпохе древних носителей гаплогруппы R1a, представители двух ветвей которого Z93 (арии) и Z283>Z282>Z280 (древние русы) появились в Восточной Европе одновременно, а немного позднее образовалась гаплогруппа R1a-M458, распространенная у западных и южных славян.

Тогда и начал создаваться представителями различных ветвей гаплогруппы R1a ономастикон наиболее священных имен, близкий друг другу мифологически, иначе говоря, мировоззренчески. Но благодаря метафоризации как метода табуирования была создана великая множественность языковых форм и, соответственно, форм ономастикона. Эти формы со временем стали различаться у восточных и западных славян. Так, например, у русских наименование победоносной птицы, наделенной божественной сущностью, сохранилось как Сокол и в этой форме долго существовало в древнерусских именованных словах. У западных и южных славян этот мифологический персонаж в образе божественной птицы стали называть Ярог/Парог, и совершенно очевидно, что от этого теонима также родились свои антропонимы, например, такие как Рурик/Рюрик. Но на мой взгляд, теперь понятно, что имя древнерусского Юрика также послужило для образования личных имен Рурик/Рюрик, с переходом *юр-/рюр-* по типу *яр-/рар* в теонимах *Ярог/Парог*.

Но для более полного понимания роли древнерусской традиции в рассматриваемых процессах важно иметь в виду не только установленное Якобсоном безусловное сходство имени западнославянского огненного духа Парога/Радашека/Ярашека с именем Варэґн (Vāraṅn) – наивысшей породы сокола. Не менее, а может и более важным представляется отождествление Якобсоном имени древнерусского Сварога с именем самого авестийского бога победы Веретрагны. Из этого следует естественное предположение, что и Сварог, и его сын Сварожич/Радгост были древними божествами, связанными с огненной стихией.

В древнерусской традиции Сварог отождествлялся с древнегреческим Гефестом. В Ипатьевской летописи под 1114 годом включен перевод отрывка из «Хроники» Иоанна Малалы о Свароге и его

сыне под именем Дажьбога: «бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати (в Египте) первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста (Ἰφαιτος) иже *Сварога нарекоша* егуптяне...Ты же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а, иже прелюбы дѣючи, казнити повелѣваше, сего ради *прозваша и богъ Сварогъ*... Феость...встави единому мужу едину жену имѣти, а женѣ за единъ мужъ посягати: аще ли кто переступить, да ввергуть в въ пещь огнену. Сего ради *прозваша и Сварогомъ и блажиша и егуптяне*. И по семь царствова сынъ его, именемъ *Солнце* (Ἡλιος), его же наричють *Дажьбогъ*... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть *Дажьбогъ*... не хотя *отца своего* закона разсыпати *Сварожа*..».

Исходя из этих данных источника, Гильфердинг делал вывод о том, что «русский летописец, заменяя славянскими греческие названия первых, обоготворенных, царей египетских Ἰφαιτος (Ифест, Вулкан) и Ἡλιος (Солнце), явно называл Солнце, как под собственным именем, так и под мифологическим прозвищем Дажьбога, сыном Свароговым». Дажьбог как сын Сварогов, согласно Иванову и Топорову, может быть воспринят как западнославянский Сварожич⁸³.

В божестве, скрытом за именем Сварожич, Гильфердинг видел верховного бога южнобалтийских славян: «...ясно и непреложно свидетельство Титмара, что первый между богами радигощан, одетыми в воинские доспехи, был Сварожич, *более прочих богов чтимый всеми язычниками* (т.е. балтийскими славянами). Стало быть, и у лютичей, как на Поморье, мы находим бога по имени несходного, но по значению тождественного со Святовитом, как о первом всеобщем боге славянском, относится именно к Святовиту по достоверному свидетельству Гельмольда. А равно почитание священного коня и предугадывание будущего по тому, как этот конь перешагивает через сложенные копья, не доказательство ли, что и в Радигоще, как в Арконе и Щетине, поклонялись одинаково тому же богу наезднику и воителю? И здесь опять, как в Щетине, настоящее имя божества до нас не дошло...*Сварожич* выражает лишь то, что верховный бог ратарей был *сын Сварога*; но, очевидно, кроме отчества, он должен был иметь и свое собственное имя».

Далее Гильфердинг приводил еще один источник, а именно «Слово некоего христоробца и ревнителя правой веры», где также был упомянут Сварожич как бог огня и вместе с ним древнерусский обряд поклонения огню: «и *огневи* молятся, зовут его *Сварожицемъ*». Отцом солнца и огня, по убеждению Гильфердинга, могло быть только небо, тем более, что слово *сварга* имеется в санскрите и обозначает именно небо⁸⁴.

Чем интересно в данном контексте уподобление древнерусского Сварога древнегреческому Гефесту? Здесь уместно вспомнить, что о древнейшей хтонической природе Гефеста А.Ф.Лосев писал, что

«гомеровский гимн объединяет Гефеста и Афины, обучивших людей ремеслам...Орфический гимн изображает Гефеста как некую космическую силу во всей ее фетишистской нетронутости. Он – мастер и художник, но он же свет, огонь, эфир. Он охраняет дома, города и племена, но он же – луна и все светила, сияющий, все пожирающий демон..»⁸⁵. Это описание говорит о глубокой древности культа Гефеста и соответственно, об аналогичной древности культа древнерусского Сварога.

Слова Лосева о том, что Гефест обучил людей ремеслам, перекликаются с рассказом Диодора Сицилийского об Уране как первом царе атлантов, обучившем свой народ наукам и после смерти постепенно получившим статус верховного божества, олицетворявшего небо. Подобный подход, как известно, отражал идеи древнегреческого философа Эвгемера (340 – 260 гг. до н.э.) о том, что боги являлись великими людьми прошлого, обожествленными потомками. Упрощенный подход к мифологии и к происхождению религий древности, сложившийся на основе историко-религиозных взглядов Эвгемера – эвгемеризма, в разное время подвергался вполне обоснованной критике, в том числе, и со стороны Лосева⁸⁶. Но определенные черты историзма в нем содержатся, если исходить из истории культа предков в архаических обществах или культа героев в античности, к которым причислялись души выдающихся предков и к которым только впоследствии стали причисляться олицетворенные силы природы или сказочные образы.

В контексте рассуждений о древнерусском Свароге эвгемеристические взгляды было уместно вспомнить, поскольку они хорошо накладываются на позицию русского летописца, рассказывавшего о Свароге и о как реально царствовавшем правителе, и о как об отце солнца и огня. «...русский летописец – , подчеркивал Гильфердинг, – заменяя славянскими греческие названия первых, обоготворенных, царей египетских... отождествляет Сварога с древнейшим из них, отцом Солнца...Что другое могло быть отцом солнца и огня, как небо? .. Сварогом славяне называли боготворимое небо (*бог Сварог*, говорит Ипатьевская летопись), небо, которое они и признавали высшим божеством, творцом всего, прародителем всех богов»⁸⁷.

На основе вышеприведенного можно сделать некоторые предварительные выводы.

Достаточно очевидным является тот факт, что обозначения сокола у западных славян, например, такие как рурик у древан, рюрик у поморян, ярог у поляков или словенские ярог/рарог, вполне отождествимы с формами личного имени Рюрик/Рурек/Рурко. Соответственно, оправданной является проводимая многими исследователями параллель между летописным именем Рюрик и теонимом Рарог, мифологического носителя которого представляли в образе птицы или дракона с искрящимся телом и пламенеющими волосами. Установленная исследователями связь

Рарога с древнерусским Сварогом позволяет ставить вопрос о связи имени летописного Рюрика с древнерусской теонимикой и архаичным именованьем древних русов.

Как было отмечено выше, необычайно широкое распространение имени Рюрик в разных формах даёт основание предполагать, что с этим именем была связана какая-то сильная сакральная традиция. Анализ божества Рарог позволяет выстроить логическую цепочку, с помощью которой можно выявить природу этого явления.

Первое звено в этой цепи – установленное родство образов западно-славянского соколоподобного Рарога – Ярога и авестийского наивысшей породы сокола Варгана. Сокол Варган – седьмое перевоплощение бога войны и победы Веретрагны, а имя Веретрагны является постоянным эпитетом ведийского Индры как «убийца Вритры» или победитель дракона Вритры. Таковы арийские «корни» этимологии антропонима Рюрик: победоносный Веретрагна, восходящий к самому Индре, и их перевоплощение – Рарог с пламенеющими волосами и искрящимся телом.

Второе звено – древнерусская составляющая, поскольку имя Веретрагны отождествляется и с древнерусским Сварогом, которого предание провозглашало отцом Дажьбога-Солнца, а имя южнобалтийского Сварожича-Радгоста объединяло эту теонимику в единую сакральную систему Восточной Европы и Южной Балтии. Гильфердинг полагал, и не без основания, что за различными именами славянских божеств скрывалось одно верховное божество, «с тем же значением победоносца и покровителя людей». Кроме того, надо добавить, божество, связанное с солнцем. А одним из зооморфных воплощений солнца в древнерусской традиции, конкретно, в народных обрядах, фольклоре, народном искусстве был сокол.

Таким образом мы видим, что как арийские корни имени Рюрика, так и древнерусские корни этого имени уводят к образу верховного божества древнейшего индоевропейского пантеона, к эпохе индоевропейской общности в Восточной Европе. Понятие верховного божества у ариев и древних русов менялось с течением тысячелетий. Триадность был отмечен пантеон богов РВ (Индра, Агни и Сома, согласно Т.Я.Елизаренковой), но змеборец Индра выделяется своим царственным могуществом (он – царь богов/дэвов). Ядром религии ариев был культ солнца, и вокруг солнца как дара небесного пересекались функции многих богов РВ, что наложило свой отпечаток и на теонимику будущих времен.

За царя небесного почиталось солнце и у древних русов, поскольку как сказано в «Голубиной книге», зачалось «солнце красное от лица Божья». Ведущими древнерусскими культами были культы Перуна и Волоса, на основе которых создавался единый языческий пантеон и культ двуединого божества Перуна – Волоса по тому же типу, как создавались

двуединные древнеиндийские культы Шивы – Рудры или Вишну – Шивы. Это позволяло создать единое сакральное пространство для его обитателей с общим пантеоном божеств – оберегов на всем пространстве от Приильменя и Поднепровья до западных пределов Южной Балтии.

Например, гусли были известны как один из атрибутов Волоса/ Велеса (по типу того, как кифара была одним из атрибутов Аполлона): Велесовым внуком назван эпический гуслиар вещей Боян из «Слова о полку Игореве». Но мы знаем и трех гуслиаров, живущих у оконечности западного Океана, о которых поведал византийский историк и писатель Ф. Симокатта. Поэтому есть основания предположить, что все известные боги балтийских славян – Триглав в Волыне и Щетине, Радигощ у лютичей, рюгенский Святovit, а также древнерусский Волос вкуче с Перуном были прозвищами или эпитетами затабуированного имени верховного бога южнобалтийских славян и древних русов – владыки мира живой и плодоносящей природы, олицетворявшего культ солнца. А соколиная символика окружала многих солнцебогов. Например, сокол был и священной птицей Аполлона.

Следовательно, сакральная энергетика верховных богов ариев и древних русов и воплотилась в имени Рюрика, породив необычайное множество форм в именословах различных стран и народов. Множество это обеспечивалось и за счет усвоения различных эпитетов исходного сакрального носителя. Хорошо известно, что многие личные имена возникали из теонимов или из дополнительных наименований различных божеств. Из теонимов образовались в европейских именословах имена Аполлона и Гелия, Дианы, Венеры и др. Но самостоятельным именем стало такое прозвище или эпитет Аполлона как Феб – «блистающий». Одно из прозвищ Юпитера Виктор (Юпитер Виктор, т.е. Юпитер Победитель) сделалось также широко распространенным именем.

Из этих примеров видно, что разные эпитеты богов образовывали самостоятельные антропонимы, но исследование имени Рюрика показывает, что и различные свойства или функции древних божеств закреплялись в разных именословах за именными формами с одинаковой языковой окраской. Так, в германских именословах имя Рюрика и его варианты стали этимологизироваться как «слава, победа», фактически взяв за исток один из постоянных эпитетов Индры, воплотившегося в победоносного Веретрагну или далее перенесенного на Митру, провозглашенного как «непобедимое солнце».

В древнерусской же традиции славой могущества был осенен Солнце-царь, связанный с соколоподобным Рарогом, а также Дажьбогом, к которому «Слово о полку Игореве» возводит русских князей, называя их Дажьбога внуками. О.М.Рапов отмечал, что тот факт, что «князья из дома Рюриковичей называются былинами и ”Словом о полку Игореве” ”соколами”, говорит за то, что сокол был эмблемой, гербом рода,

возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси. Возможно, что сокол в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья»⁸⁸. Теперь к этому можно добавить, что данный тотем был исходно связан с зооморфной ипостасью могущественного божества древних русов.

В кельтской традиции имя Рюрик воспринималось как «рыжеволосый король», что также перекликается с цветовой символикой культа солнца, в русской традиции – почитания солнца красного. «Рыжеволосый король» перекликается и с пламенеющими волосами Рарога, и с златовласыми солнцебогами, как бы осененными пламенеющим нимбом или золотой короной. Поэтому головы таких священных животных Велеса/Волоса как тур или олень венчались в сказаниях короной золотых рогов. Золото символизировало солнце, а наилучшим сортом золота считалось золото червоное, т.е. красное. Символический цвет Свентовита – красный: храм увенчан красной кровлей, в капище – пурпурный занавес, в сундуках – пурпурные одежды. А былинный князь Владимир именовался Красным Солнышком.

По всей видимости, за наиболее архаичный вариант рассматриваемого имени следует принять русское имя Юрик – так передается имя Рюрик в олонецком сказании о Рюрике, с вариантом Юрий, проявившегося в иллиро-венетских и галльском именованных. Здесь интересно отметить, что именной компонент *юр-* в русском языке легко переходит в именной компонент *яр-*, с которым соотносятся представления о *яри* как высшем проявлении производительных сил, обеспечивавшим максимум плодородия. В церковно-славянском словаре Г.Дьяченко относительно параллелей между основами *яр-* и *юр-* приводятся такие данные: *юръ* созвучно польск. *juřnosé* – похоть, *juřny* – похотливый (= *яръ*, *ярость*, *ярый*), *juřus sie* – гневаться (*яриться*), великорус. *юрово* – скоро, шибко (= *яро*), *юръ* – возвышенное место, открытое действию ветров и солнца («стоять на юру»; ср. *яръ* – крутая гора, обрывистый берег)⁸⁹.

Именной компонент *яр-* был очень продуктивен в русском именованном (да и в других славянских именованных), от него произошли такие прославленные княжеские имена как Ярослав, Ярополк, Яромир. И объяснение такой продуктивности очень простое: у истоков данного именованного процесса стоял теоним Ярилы – олицетворения весеннего плодородия и производительной мощи. Имя Ярилы было связано с ярим солнцем: Ярилины дни отмечались непосредственно перед Ивановым днем, т.е. перед праздником летнего солнцестояния.

Практическая взаимозаменяемость *яр-* и *юр-* говорит о том, что значение имени Юрик насыщено той же яркой силой великого Солнцебога, как и имена с основой *яр-*. Неслучайно эта основа отразилась в таких западнославянских обозначениях сокола как *járašek*, *járovog*, *rárožica* наряду с *rároh*, *rárog*, а также с древанским *пуриком* или *рюриком* у поморян.

Наблюдаемые чередования в компонентах *юр-*, *яр-*, *рюр-*, *рур-*, *раp-*, наверняка, несложно объяснить с точки зрения лингвистики. Но здесь хочется напомнить, что при исследовании архаичных именованных традиций требуется использование и иных методов, помимо привычных лингвистических. Одним из таких иных методов может быть обращение к традиции табуирования, которым в древности пользовались, по словам исследователя этого феномена М.М.Маковского, для того, чтобы скрыть «божественные первоначения». Работа Маковского представляет собой первый опыт исследования явления табу в языке, поскольку именно табу, по словам автора, оказало неизгладимое влияние как на формальную структуру языка, так и на его семантику. В работе Маковского показано, что строение корня в индоевропейских языках непосредственно связано с количественными и качественными запретами, налагаемыми табу: например, отсутствие, наличие и вариация преформантов, различие детерминативов в одном и том же корне, метатеза, анаграмма, тмезис, эллипсис – вот некоторые результаты действия табу на слова. В области значения в древнем слове преобладает синкретизм метафор, а цель метафоризации – скрыть «божественные» первоначения, связанные с основным мифом о создании Вселенной⁹⁰.

Не берусь судить, что повлияло на переход от *юр-* к *рюр-* и др. при образовании имени Рюрик/Рурик: некое закономерное развитие языковых форм или же потребности табуирования (как в отмеченном Якобсоном примере с табуированным *t* для топонима *Swarožyno Siodł*, когда табуирование дало новые формы *Twarožna góra* и *Twaraschitzberg*), но объективное исследование показало, что именной компонент *рю-* / *ру-* мог в процессе «миграций» с востока Европы на запад образовывать имена и с *ру-/рю-* (Рурик/Рюрик), и с *руд-* (Родорикус), и с *руг-* (Ругорик), т.е. давать великое множество вариантов. А вот в русской традиции «божественные первоначения» исходного имени сохранились, по-видимому, без табуирования. Вплоть до XVI в. широкое распространение в русских именованных имела личное имя Сокол⁹¹. А в современном именованном это древнее личное имя стало именем семейным: фамилия Соколов – одна из самых распространенных русских фамилий. Сохранились и порожденные теонимом древнерусские личные имена с именным компонентом *юр-/яр-*: вечную прописку в русских именованных получили Юрии и Ярославы. Но и имя Рюрик, отпочковавшись от «божественных первоначений» и совершивши грандиозное плавание по иллирийско-венетским, римским, кельтским, западнославянским и германским именованным, не было забыто на его древней родине и не сделалось чуждым древнерусскому княжескому дому. Поэтому когда ильменские словене приглашали на опустевший княжеский престол западнославянского княжича Рюрика, то они не потребовали от него менять имя на соответствовавшее местным именованным традициям.

Есть масса примеров (многие из них я приводила в своих работах), которые показывают, что имя правителя оценивалось не с точки зрения его этнической принадлежности или принадлежности к какой-либо языковой семье, а с точки зрения соответствия традициям династийно-родового именованослова и сакральной системе.

Можно для иллюстрации привести пару примеров из истории скандинавских стран. В 1592 г. на шведский престол взошёл король Сигизмунд (1592-1599), сын скончавшегося Юхана (Иоанна) III Вазы и польской принцессы Катарини Ягеллонки. Своё имя он получил в честь деда по матери, польского короля Сигизмунда I. Ни Сигизмунд, ни его сын Владислав, провозглашавшийся на риксдаге шведским наследным принцем, польских имен не меняли.

А вот датским принцам, приглашенным на норвежский престол, пришлось свои «германские» имена менять. После роспуска унии между Швецией и Норвегией в 1905 г. норвежский Стorting (парламент) принял решение о сохранении в Норвегии монархического строя и пригласил «со стороны» датского принца Карла «володеть и править» на норвежском престоле. Датский принц Карл был провозглашён норвежским монархом под именем Хокона (Håkon) VII, а его сын Александр – наследным принцем норвежского престола под именем Олава. Как видим, если бы дело было в «германстве» имён, то такое имя как Карл не должно было бы вызвать неприятия в норвежском обществе: «германистее» имени трудно себе представить. Однако Норвегию заботили тогда совершенно конкретные проблемы: воссоздать независимую норвежскую монархию, исконность которой подчёркивалась бы в том числе и символикой имён. Имя Хокона возрождало память о Хоконе Адальстейнсфостре – приёмном сыне Адальстейна - (ум.960). Этот Хокан прославился своими победами против датских и шведских конунгов, поэтому его имя несло в себе соответствовавший потребностям момента настрой. А имя Карла было чужеродным для собственно норвежской традиции, поэтому его и поменяли.

Именованословы правящих родов могли включать в себя имена прославленных предков из достаточно отдаленных времен, Например, когда княжна Евпраксия Всеволодовна (1070 – 1109), сестра Владимира Мономаха, стала невестой маркграфа Нордмарки Германской империи Генриха, то была наречена именем Адельгейды, которое после императрицы Германской империи Адельгейды (ум. в 999) стало родовым именем многих правящих домов в пределах Германской империи. Поэтому имя Евпраксия заменили на Адельгейду, хотя оба имени были христианскими.

Именованословы правящих домов составлялись на протяжении длительнейших периодов и сохраняли в себе следы взаимодействия и слияния различных сакральных традиций и языковых систем. Но связь с

главенствующей сакральной традицией отслеживалась строго: имя правителя не могло быть выбрано бездумно, по случаю или попасть из чуждой сакральной системы.

Связь имени правителя с местной сакральной системой хорошо иллюстрируется примером из шведской истории, из жизни Анунда – Якоба, конунга свеев и гетов (правил 1022 – 1050 гг.), сына короля Олова Шетконунга и брата Ингигерды-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Как известно, Олоф Шётконунг принял христианство и крестил своих детей, в силу чего его сын, рожденный в день Святого Якова, был назван в его честь. Это ни у кого не вызывало протеста до тех пор, пока не пришло время принцу принимать королевские полномочия. И тогда, как об этом сообщается у шведского историка XIX в. Андерса Фрюксея, «... поскольку им (свеям – Л.Г.) не нравилось его христианское имя ”Якоб”, был он назван ”Анундом”, каковое имя он в дальнейшем и сохранил»⁹².

Как видно из этого эпизода, выбор имени правителя подчинялся строгим требованиям: имя должно было соответствовать той сакральной традиции, которая занимала главенствующее положение в обществе. В XI в. шведское общество продолжало оставаться языческим и требовало от лица, провозглашаемого конунгом, полной идентичности с сакральной жизнью социума, включая и имя. До избрания конунгом принц Якоб рассматривался как частное лицо, и имя его никого не интересовало. Но при избрании конунгом он был обязан носить одно из имен прославленных предков, вошедших в именованное свейского правящего рода. Таким именем считалось имя легендарного Брёт – Анунда из Саги об Инглингах. Об этом Анунде рассказывалось, что во время его правления в земле свеев царило благополучие и процветание, земля родила, осваивались пустоши, население прибывало⁹³.

Но у многих возникает вопрос: если имя Рюрика соответствовало древнерусскому княжескому именованному, почему после его смерти оно не воспроизводилось у Рюриковичей в течении нескольких веков, вплоть до XI в. ?

Ответ следовало бы искать также в традициях табуирования, которые применительно к древнерусской истории практически не изучались. Поэтому проиллюстрирую примером из истории Монгольской империи. Так, у Рашид ад-Дина рассказывается следующее: «Другой эмир был Чагатай-младший; так как в то время не стало Чагатая [сына Чингиз-хана], то его имя стало запретным, и после этого [Чагатай младшего] стали называть Сунитай, так как он [происходил] из племени сунит»⁹⁴.

Таким образом, на использование некоторых имен правителей после их смерти мог быть наложен запрет, по крайней мере, на какое-то время. Но в случае с именем Рюрика следует учитывать и другой момент. Невзирая на малую изученность сакральных традиций в династии

Рюриковичей, уже сейчас можно сказать, что Рюрик/Юрик/Юрий – это разные формы одного древнего священного имени из именованослова древних русов, тех русов, которых нет в современной исторической науке, но которые обнаруживаются как ДНК-генеалогией, так и моими историческими исследованиями и исследованиями моих коллег. Северорусское предание сохранило имя Рюрика в форме Юрик, вероятно, более привычной для северорусских именованословов. И в этой форме оно известно в именованослове Рюриковичей.

Имя Рюрик в скандинавских странах

Представленный в предыдущих разделах материал не оставляет ни малейшей возможности заявлять, что имя Рюрик является скандинавским именем, и соответственно, строить на этом заявлении далеко идущие заявления о деяниях скандинавов в деле создания древнерусского института княжеской власти, освоения Волжско-Балтийского пути и на этой основе – создания основ древнерусской государственности.

Имя Рюрик стало фиксироваться в скандинавских странах на несколько столетий позднее, чем на европейском континенте, что позволяет сделать логичный вывод о заимствованном характере этого имени у скандинавов. Но помимо того, что это имя было заимствовано, оно не проявилось в скандинавской традиции как важное, прославленное имя, поскольку оно не вошло ни в один из династических именованословов скандинавских королевских династий. Кроме того имя Рюрик не известно, например, среди шведских календарных имен, что означает, что это имя так никогда и не было признано обществом как важное, значительное имя, как «своё» имя. Следует четко понимать разницу между именем, которое было зафиксировано в обществе, и между календарным или официальным именем. Например, когда-то на лекции по языкознанию рассказывалось, что в СССР были зафиксированы случаи наречения девочек именем Травиата явно родителями, большими поклонниками Верди. Но в официальный именованослов имя Травиата не вошло и распространенным личным именем оно не стало.

Этот пример достаточно иллюстративен и для понимания имени Рюрика в культурной традиции скандинавских стран. Чужестранное имя, не связанное ни с местной сакральной традицией, ни ставшее популярным благодаря какому-нибудь выдающемуся скандинавскому историческому деятелю – носителю этого имени. Наибольшее использование это имя получило в литературных произведениях, но этого было недостаточно для того, чтобы завоевать себе официальное место в складывавшейся системе именования скандинавских обществ. Имена привлекательных художественных образов могут увлечь отдельных представителей общества (как это было в случае с Травиатой – случае почти

анекдотичном), но для укоренения в национальных именованных требуется намного больше.

А как же Рёрик Ютландский? – наверняка, воскликнет какой-нибудь читатель. Вот с него и стоит начать рассмотрение тех немногих носителей имени Рюрика в скандинавских странах. Но поскольку основная задача раздела – анализ различных вариантов имени Рюрик, то биографическим данным так называемого Рёрика Ютландского будет уделено минимум внимания. Тем более что в последние годы жизнеописанию этого лица было посвящено немало публикаций⁹⁵. Вот уж, совсем не по заслугам!

Родословие его точно неизвестно, хотя норманисты упорно приписывают его к так называемой династии Скьельдунгов, что легко осуществимо, ибо династия – легендарная, т.е. в значительной степени плод литературного вымысла. Ее основателем считается «сын» божества Одина Скьельд, так что тут, как видите, дело очень серьезное.

Об этом Рёрике известно, что его вместе с братом Харальдом изгнали из Ютландии, после чего братья стали пиратствовать и жить грабежами. Братьям удалось ввязаться в междинастийную борьбу Каролингов. Карл Лысый (823 – 855) заключил с Рюриком союз, поскольку он смог утвердиться во Фризии, включая и богатый город Дорестада. Рёрик продолжал разбойничать по Рейну, и уже Лотарь I (795 – 855) в 850 году предложил Рёрику перейти под свою высокую руку, передав в дар Дорестада и другие уделы в земле фризов в обмен за несение вассальной службы. Но в 867 г. Рёрик был изгнан из Фрисландии, и по некоторым смутным данным, вновь пытался утвердиться в Дании, но явно безуспешно. Последний раз он упоминается в 873 году, после чего его след в истории теряется⁹⁶.

Какой образ возникает перед глазами на основе приведенных сведений из некоторых западноевропейских анналов? На мой взгляд, мы видим заурядного грабителя регионального масштаба. Он явно ничем особенным не выделялся в массе тех грабителей и вымогателей, которые одолевали в IX в. земли современных Германии, Голландии, Франции.

Он поступал на службу то к одному королю франков, то к другому, получал за службу земельный надел, которым пользовался, пока служил, изгонялся оттуда, становился вассалом нового господина и т.д. Так, перебегая от одного господина к другому, в конце концов бесследно исчез из поля зрения хронистов. И вот этого неудачника и растяпу часть норманистов предлагает нам в качестве летописного Рюрика: в своих мелких краях он всё проиграл и растерял, а на гигантских просторах Новгородчины и Киевщины организовал великое европейское государство! Норманистские чудеса в решетке!

При этом еще и «забывают», что для утверждения этого сумбурного налетчика на престоле в князьенне словен необходимо ликвидировать двух братьев летописного Рюрика – Синеуса (Сивара) и Тривора (не имелось

таких братьев у Рёрика). Но это бы сторонникам Рёрика нипочем: хамовато небрежное обращение с древнерусскими источниками давно вошло в их обиход! Например, печально известны «лингвистические» манипуляции с именами Синеуса и Трувора, производившиеся некоторыми российскими историками, при чем из числа не владевших ни одним из скандинавских языков, но тем не менее позволявших себе толковать эти имена как якобы простые кальки с шведских выражений «sine hus», т.е. «с родом своим» и как «tru varing», т.е. «верная дружина», которые дескать были неправильно поняты летописцем в силу плохого знания шведского языка. Абсурдность этих манипуляций, которые ничем не отличаются от словопроизводства О. Рудбека и других творцов шведского политического мифа XVI – XVIII вв., заслуженно критиковалась в науке как аналитиками летописных источников, так и скандинавистами, которые отмечали, что в этих «реконструкциях» нарушены все нормы морфологии и синтаксиса древнескандинавских языков⁹⁷.

Мало того. Появление этой абсурдной «реконструкции» некоторые «истинные» ученые стали приписывать Байеру. Как полагает В.В. Фомин, начало процессу положил Л.М. Пятецкий, который сообщил российскому обществу, что «немецкий ученый Иоганн Готфрид Байер, трудившийся в 30-60-е гг. XVIII в. в России, доказывал, что летописная версия искажена, т.е. имена братьев Рюрика – в действительности скандинавские слова, обозначающие, что он пришел в землю словен со своей дружиной – ”трувор” и своим домом ”сине хус”». Как язвительно прокомментировал В.В.Фомин, ученого «Иоганна Готфрида Байера» никогда не существовало, но был, как известно, Готлиб Зигфрид Байер, прибывший в Россию в 1726 и умерший здесь же в 1738 году. Но история о «И.Г.Байере» с приписываемым ему «открытием» попала в работу археолога В.Я. Петрухина, а видимо, оттуда – к историкам И.Н. Данилевскому и Е.В. Пчелову, а также к археологу Е.А. Шинакову. Но насколько можно судить по наследию Байера, о «синехусах» он не писал⁹⁸.

И писать не мог, хочется добавить, поскольку Байер не владел ни русским, ни скандинавскими языками. А весь материал для статьи «Варяги» он получил от его шведских корреспондентов, которые что-что, а свой язык знали. Поэтому и рассуждения о братьях Рюрика у Байера приведены в том духе, как это было принято у шведов в XVIII в., т.е. как попытки подогнать летописные имена под возможные «скандинавские» проформы: «Брату Рюрикову Трувор, Трубар, Тровур имя было, как русские истории объявляют. У Саксона Грамматика... между герцогами Рингона, короля шведского, против Гаральда Гильдетанского и Ивар Труваров поименован. Стефан Стефаний ...из древней датской книги – Ивер Труере. Другого брата имени Синея есче я между северными народами не нашел»⁹⁹.

Из этого примера видно, что уровень работ некоторых российских норманистов сделался настолько низким, что даже Байеровские цитаты они списывают друг у друга, не утруждаясь обращаться к оригиналу. А ведь Л.М. Пятецкий – автор справочных изданий по истории России и учебников по истории России для абитуриентов¹⁰⁰.

Бедные-бедные российские абитуриенты! Если к Пятецкому ещё добавить учебник Вовиной-Лебедевой для студентов-историков, где говорится, что «земля росов» находилась в шведском Рослагене¹⁰¹, которого, как я сообщила в моих работах, в IX в. в природе не существовало, то вывод однозначен: пока норманисты занимают ключевые посты в российской вузовско-академической системе, исследования начального периода русской истории на строго научных основах будут невозможны.

Но вернемся к Рорику Ютландскому. Кроме полного расхождения в биографических данных между этим лицом и летописным Рюриком, норманистами не принимается в расчет тот факт, что путь доморощенному Рёрику к древнерусскому княжескому престолу преграждает также целая череда солидных западных хронистов, особое внимание уделявших истории правителей данов и внимательно выделявших тех из них, кто, действительно, отличился на политическом поприще. О «великой» карьере Рёрика Ютландского в княжение словен ничего неизвестно Адаму Бременскому и его информатору королю данов Свену Эстридсену. Ни сном, ни духом не заметил великие подвиги этого Рёрика в Восточной Европе датский летописец Саксон Грамматик, главной целью историографической деятельности которого было как раз выбрать и отметить всех, кто прославился в истории данов, т.е. создать версию «светлого прошлого» датской истории.

В контексте данного раздела, полагаю, необходимо привести отрывки из этих двух важных источников, где должны были бы быть сообщения о Рёрике, которого российские норманисты упрямо именуют Ютландским, хотя Ютландией ему так и не удалось овладеть, поэтому приличнее было бы назвать его Ютландским изгоем или летучим Ютландцем.

Посмотрим, как описывает Адам Бременский исторический фон событий в то время, когда действова Рёрик: «Восемнадцать лет прошло с того дня, как святой Ансгар получил сан епископа в Бремене. А до этого он шестнадцать лет был епископом Гамбурга. .. Полный радости от такой щедрости со стороны императора, устремился он в Данию. Там он встретил короля данов Хорика и обратил его в христианство. Король немедленно возвел церковь в портовом городе Шлезвиге и дал позволение всем своим подданным принимать христианство, если кому-то так пожелается. .. Тем временем в королевстве франков вспыхнул конфликт относительно епископской кафедры в Бремене, вызванный завистью к

Ансгару. .. Ансгар вернулся в Данию, где на троне был уже Хорик Младший. Об этом периоде во франкской истории о данах рассказывается... что они разграбили Лотарингию и захватили Фризию и что их карающая рука не щадила даже свою плоть и кровь. Когда предводитель норманнов Гутторм вел борьбу против своего дяди, короля данов Хорика, то обе стороны отличала такая жестокость, что погибли все их воины, а из королевского рода спасся только один мальчик по имени Хорик. И когда он в свое время занял королевский трон данов, то его ярость обратилась против христиан. Он изгнал служителей божьих и сжег церкви. .. Святой Римберт занимал пост епископа в течение 23 лет. .. Кто были в то время королями данов, в его житии не указывается. Во франкской истории рассказывается, что Сигфрид правил со своим братом Хальвданом. С мольбой о мире они посылали дары императору Людовику...Но среди данов и норманнов были и другие короли, которые в это время разбойничали в Галлии и промышляли пиратством. Наиболее известными среди них были Хорик, Ордвиг, Готфрид, Рудольф и Ингвар. Самым жестоким был Ингвар, сын (Рагнара) Лодброка.. На двенадцатый год служения господина Римберта скончался благочестивый Людовик, великий император...»¹⁰².

В приведенном отрывке описаны события с 834 по 876 годы, т.е. примерно то время, когда действовал Рёрик. Ну, и где сей «успешный конунг» (так его иногда величают норманисты) у Адама Бременского? Прославленный хронист его просто не заметил в толпе других грабителей.

Теперь посмотрим, что есть по интересующему нас вопросу у Саксона Грамматика (1140/1150 – 1150/1220). И сразу можно сказать, что, практически, ничего. Рассказ Саксона по интересующему нас периоду сосредоточен вокруг легендарной личности Рагнара Лодброка, о жизни и приключениях которого, помимо Саксона, рассказывается во многих исландских сагах. Саксон Грамматик рассказывает о Рагнаре как сыне зеландского короля Сиварда. Рагнар стал королем на Зеландии после смерти отца. Рагнар представлен как правитель с разветвленными контактами в скандинавском мире. Он ездил свататься к дочери короля свеев и получил ее в жены. Рагнар особенно прославился своей воинственностью. Одним из его военных походов был поход против короля Нортубрии Эллы II (863 – 867), где он одержал победу. После этого, рассказывает Саксон, Рагнар двинулся в поход на Шотландию и далее на острова, где посадил правителями сыновей Сиварда и Радбарта... Но в Дании у Рагнара было много врагов, .. они заключили союз с военным предводителем Гаральдом...Однако Рагнару удалось расправиться с бунтарями, Гаральд же бежал в Германию...Но Рагнару этого было недостаточно. Он решил напасть на саксов, поскольку Гаральд и его сподвижники скрывались у них. Сыновья Рагнара помогали ему в борьбе против императора Карла... Саксы потерпели поражение и стали платить

дань королю данов...Рагнар прибыл в Курланд и Земланд, где был принят с большими почестями, поскольку он был прославлен своими победами. .. В Дании Гаральд вновь поднял мятеж...Рагнар поспешил домой и напал на мятежников. Гаральд проиграл, после чего многие его сторонники оставили его, а сам он бежал в Майнц и стал искать поддержки у императора Людовика. ..»¹⁰³.

Вот в самом кратком изложении те основные события IX в., на которых сосредоточено внимание Саксона Грамматика по истории деяний данов, и также как в хронике Адама Бременского, в «Деяниях данов» не нашлось места для так называемого Рёрика Ютландского. В истории своего народа Саксона Грамматика интересовали действительно выдающиеся личности, осуществившие в масштабе датской истории заметные мероприятия. Грабителям же и мародерам, сбивавшим на время стаи из таких же отщепенцев и негодяев и занимавшимся вымогательством до тех пор, пока удача шла в руки, места в исторических анналах данов не отводилось. Франкские анналисты на континенте могли знать поименно часть «оперативного» состава рыцарей с большой дороги, бесчинствовавших в их краях, но на скрижали родной истории допускались только имена личностей, отличившихся в политической жизни, или имена правителей, принадлежавших по рождению к родовой знати значительного калибра. Неудачники и худородная мелочь оставались за порогом, потому что образы жалких ничтожных индивидов не работали на идею «великого и светлого прошлого» народа данов, составлявшую стержень историописания для консолидировавшегося общества.

И как раз потому, что «версия» о великих деяниях Рёрика Ютландского в русских землях не находит для себя никакой поддержки в надежных источниках, она не принимается и датскими медиэвистами.

Никак не связывает этого Рорика с летописным Рюриком маститый датский археолог и историк Юханнес Брэндстед (1890-1965) в труде «Викинги дома и в походах», специально посвященном деяниям данов и других скандинавов за пределами Скандинавии. Брэндстед рассматривает датского Рорика и летописного князя Рюрика как двух различных исторических лиц с одинаковыми личными именами. Так же считает и современная датская исследовательница, являющаяся ведущим специалистом по истории Дании так называемого викингского периода, Эльси Роэсдаль. В своем ставшем классическим труде она так прямо и заявила (видимо, надоели ей с подобными вопросами): «Едва ли датский предводитель, которого также звали Rurik и который оперировал во Фрисландии в то же самое время, когда действовал летописный Рюрик, был одним и тем же лицом»¹⁰⁴, хотя она не отказывается от скандинавского происхождения летописных варягов, воспитанная на традициях готицизма и рудбекианизма.

А уж датчане с удовольствием бы присвоили такого крупного политического деятеля в пользу датской истории, если бы был для этого хоть малейший шанс! Но датские медиевисты знают и язык, и исторический материал прошлого Дании в отличие от российских фантазеров на скандинавские темы, поэтому никто из этих историков не хочет компрометировать себя поддержкой теории явно балаганного характера. Да уж конечно, может кто-то возразить, что же они не отказываются от скандинавского происхождения варягов?! Нет, не отказываются.

Эльсе Роэдаль пишет осторожно о том, что имена Рюрика, Олега, Игоря, Ольги были скандинавскими, значит и сами они были скандинавского происхождения. При этом ничего не утверждая определенно, она между прочим ненавязчиво указывает на Восточную Швецию¹⁰⁵. И ее можно понять. Во-первых, это позиция классического норманизма, а значит она безопасна. Кроме того, вспоминается и то, что все о скандинавском Рюрике и пр. изначально пошло из Швеции, а раз так, то пусть шведы с источниками и разбираются.

А во-вторых, этот классический норманизм с вымышленным Рюриком из Средней Швеции, те то викингом-пиратом, не то охранником-контрактником, находит сейчас мощную поддержку у международного туристского бизнеса, а в наши дни коммерческий подход ко всему, в том числе, и к истории начинает играть самодовлеющую роль. Об этом высказался в одной статье датский историк Дж. Линд: «Перед лицом гигантских сил рынка, наводнивших мир своим образом викинга, историки, даже если они попытаются это сделать, не смогут повернуть время вспять, на те исходные позиции, когда викинги ещё не получили свой нынешний образ. Поэтому нам, вероятно, следует принять викинга во всем его нынешнем скандинавском облачении, вместе с рогами на шлемах и бородами лопатой. Мы даже можем порадоваться тому, что индустрия туризма, используя брэнд “Викинг”, гарантирует и нам лучшую продажу наших работ»¹⁰⁶.

И никогда бы вышеназванный маловажный Рёрик не выкарабкался из тины забвения и не всплыл бы на поверхность исторической жизни на рубеже XVIII – XIX вв., если бы не норманизм, одурманивший российскую историческую мысль к этому времени. Как тут не вспомнить городничего Антона Ивановича Сквозник-Дмухановского: «Сосульку, тряпку приняли за важного человека!»

Совершенно в традициях рудбекианизма сочинили Рёрику миражную биографию, придумав ему прозвище Ютландский и возведя его в королевское достоинство. Есть такая традиция нарекать исторических деятелей именем той местности, где они одержали победу. Но Рёрик-то получил пинка из Ютландии, после чего и сгинул где-то на проселочной дороге. Титуловать этого Рёрика датским конунгом (например, на сайте

Википедии: «один из наиболее успешных датских конунгов на службе Каролингов» и др.) у норманистов также нет ни прав, ни оснований.

Датские медиевисты Юханнес Брэндстед и Эльси Роэдаль не называют данного Рорика конунгом, а только предводителем (hövding), т.е. расплывчатым прозвищем, которое могло относиться и к представителю локальной племенной знати, и к предводителю разбойничьей шайки (rövarhövding). Их осторожность понятна: нет достоверных данных о родословии Рорика. Выяснить её, исходя только из имени его брата Харальда, бессмысленно, поскольку это имя было популярно среди данов и в разных источниках могло относиться к совершенно разным людям. Брэндстед, например, высказывается сугубо предположительно по вопросу, был ли претендент на трон в Ютландии Харальд Клак братом Рорика или нет¹⁰⁷.

Но с таким категоричным утверждением выступает современный российский историк Е.В.Пчелов: «Рорик принадлежал к династии правителей Ютландии. У конунга Хальвдана было четверо сыновей: Ануло, Харальд Клак, Регинфрид и Хемминг, к этой же семье принадлежал и Рорик...»¹⁰⁸.

И с какой же стороны Рорик принадлежал к этой семье? Какие точные основания у Е.В. Пчелова утверждать подобное? Решительно, никаких. Только, произвольные допуски и предположения, основанные на своих же допусках. Например, исчерпав рассмотрение известных событий из жизни Рорика и не найдя никаких фактов, которые дали бы возможность отождествить летописного князя Рюрика с Рориком, Е.В. Пчелов завершает этот опус неприемлемым для исторического исследования умозаключением: «...в европейских источниках ничего не говорится о каких-либо связях с Русью (так же, как и в русских летописях – с Европой), но ведь на основании неупоминания нельзя делать вывод, что такого события не было вообще»¹⁰⁹.

Вот это да! А на основании чего историк должен делать выводы?! Для профессионального историка ответ однозначен: историк должен опираться в своей работе на источники, прежде всего, на исторические источники. Если историк не находит в них фактов, подтверждающих его гипотезу, то должен признать, что его гипотеза не верна. Литератор может домысливать факты, а историк должен придерживаться имеющихся фактов. Но не таков норманизм. Его сторонники работают по принципу: если факты против нас, то тем хуже для науки. Не беда, что в источниках нет никаких фактов, подтверждающих тождество Рорика из датской истории и летописного князя Рюрика! Факты сочиним сами! Так и поступает Е.В. Пчелов: он покидает стезю историка и вступает на путь литератора.

Вслед за Хольманом, Крузе, Беляевым и их последователями он сочиняет вымышленную биографию датскому Рорику. Не доказав его

родство с потомством Хальвдана (а его доказать при отсутствии доказательств невозможно), Е.В. Пчелов, ничтоже сумняшеся, начинает просвещать нас относительно междинастийных связей потомства Хальвдана. Но для русской истории информация о потомстве Хальвдана совершенно бесполезна. А вот для Е.В. Пчелова эти пустые рассуждения – создание имитации поиска информации, главное, чтобы в книге не ощущалось пустоты, чем бы книгу ни набить.

В общем, как российские норманисты ни стараются, не удастся им «узаконить» названного Рорика в рядах датского королевского родословия. Не числят его там сами датчане, которые, как было сказано выше, не называют данного Рорика конунгом, а только предводителем (hövding).

Подобное право бесспорно принадлежит датским историкам, которые названного Рёрика к датскому королевскому родословию не причисляют, что ясно видно из официальных датских королевских родословий. Исторически достоверная датская королевская династия традиционно начинается с Горма Старого, правившего в первой половине X в. О Горме говорится, что он – основоположник Датского королевства, объединивший под своей властью страну и ставший первым королем над всей восточной частью страны (Зеландия и Сконе), которую он унаследовал от своих предков. Здесь же приводятся и легендарные предки, причем оговаривается, что перечень их разнится у Саксона Грамматика и в исландских сагах, что понятно, поскольку все предки – полулитературные герои, имена и биографии которых отбираются писателями в соответствии с замыслом произведения, модными тенденциями (они всегда существовали) и запросами времени.

Так согласно исландским сагам, «древняя» родословная Горма может возводиться к легендарному Ивару Широкие Объятья (я для себя переводила прозвание как «Ивар Загребущий») и от него по нисходящей линии через вышеупомянутого Рагнара Лодброка к Горму¹¹⁰. Окружение Рагнара Лодброка было представлено выше – для рассматриваемого Рёрика там и близко места нет. Поэтому попытка отождествить так называемого Рёрика Ютландского с летописным князем Рюриком – такая же мыльная опера норманизма, как и прочие норманистские конструктивы. Но к Ивару Широкие Объятья я вернусь немного позднее, а здесь закончу разговор о Рёрике – нынешнем фаворите российских норманистов.

Единственной зацепкой, за которую Рёрика пытаются притянуть к русской истории, является его имя. Но этим именем, как было показано в вышеприведенном материале, просто пестрят западноевропейские именословы, начиная с древнейших времен. Причем именословы самого избранного сорта: королевские, отцов церкви, родовитых особ! Очень жаль, что в исторической науке, под влиянием норманизма, законсервировалось убеждение, что носителей имени Рюрик надо искать только в рамках именословов скандинавских стран, в крайнем случае, чуть

расширяя эти рамки до некоей общегерманской среды. Грубая ошибка: даже самые древне- и общегерманские именословы в силу своей исторической молодости являются преемниками римско-галльских именословов, которые в свою очередь, восходят к именословам индоевропейского субстрата, где праславянские имена играли ведущую роль.

Прославленность имени Рюрик/Рурик/Родерик на европейском континенте и на Британских островах, наверняка, повлияла на датских и исландских писателей при отборе имен для своих легендарных правителей в процессе создании образа великой древней истории своих народов, ибо литературные именословы – это тоже продукт художественного творчества. Именно в литературной среде были созданы образы «успешных» конунгов данов – носителей имени Рюрик. Первым в чреде создателей этих образов следует, безусловно, опять назвать Саксона Грамматика, поскольку он был непосредственным продолжателем известных хронистов Адама Бременского, Гельмольда, Генриха Латвийского и предтечей создателей исландско-норвежской литературы.

Вот рассказ об одном правителе данов по имени Рёрик (Roricus), историю которого, как ни проблематично определять хронологические рамки для того или иного легендарного героя, принято относить к VII в.

Саксон повествует о короле Хотере (Höd или Hother), который, предчувствуя кончину, постарался закрепить право на королевский престол за своим сыном Рёриком, опасаясь, что иначе представители чужого рода захватят власть над данами. После смерти его сын Рёрик (Roricus) вынужден был подавить сопротивление куршей, свеев и вендов, которые перестали платить дань после смерти отца. Рёрик призвал данов силой оружия восстановить справедливость. Он напомнил о величии их предков и пламенной речью взывал к их мужеству. Между тем враг укрыл часть своих воинов, а другая часть выступила на открытом пространстве, но это не обмануло Рёрика. Он сумел преградить выход из гавани вражеским судам и таким образом избежать нападения.

Один из вендов, отличавшийся могучим сложением и имевший репутацию колдуна, вызвал данов на поединок на условиях, что если победа будет за вендами, то их страна освобождается от дани. А если венды проиграют, то они продолжают платить дань. В качестве залога венд предложил самого себя.

Молодой, мужественный, но хрупкий телосложением король данов Рёрик принял вызов. У него был браслет из шести связанных друг с другом колец. Эту драгоценность Рёрик предложил в качестве своего залога. В качестве поединщика со стороны вендов вызвался крупный и сильный Уббе. В шутку он спросил о награде, и король обещал ему браслет. Но Уббе продолжал подшучивать и требовать передачи награды третьему

лицу как гарантии, что король вдруг не откажется от поединка, нарушив обещание.

Рёрик не мог допустить того, чтобы его, короля, заподозрили в желании нарушить обещание. Поэтому он снял браслет и что было силы метнул его в сторону Уббе, через корабль. Но браслет из колец не долетел и упал в воду. И с этого времени Рёрик получил прозвище «Метатель колец». Но Уббе желал вступить в борьбу, пусть себе золото лежит на дне моря. Он хотел показать, он борется из чести, а не из корысти. Борцы схватились друг с другом. Удар сыпался за ударом до тех пор, пока оба не пали замертво. Возможно, так было predetermined судьбой, чтобы никто из них не возвысился над другим и не испытал радость при виде мертвого соперника. Но исход поединка привел к тому, что бунтовщики смирились и снова стали платить дань. А после Рёрика стали править братья Хардвендель (Hardvendel) и Фенге (Fenge), которых он еще раньше посадил на Зеландии в качестве подчиненных ему конунгов (underkonger)¹¹¹.

Здесь надо добавить, что нелепые попытки отождествлять летописного Рюрика с кем угодно, только чтобы имя было созвучно, а происхождение было бы «германским», разумеется, обычны и у западноевропейских авторов. Известная английская исследовательница германской и кельтской мифологии Х.Э.Давидсон (1914 – 2006) в комментариях к английскому изданию «Деяний данов» упомянула, что одно время стали считать, что сын Хотера Рёрик или Рёрик Метатель Колец – это сын короля Хротгара (Hrothar) Хредрик (Hrethrik) из «Беовульфа», которого можно идентифицировать с Рёриком из Дорестада IX в. (то бишь с Рёриком Ютландским), и в свою очередь, с летописным князем Рюриком – основоположником Новгорода. Эту идею с энтузиазмом развивала М.А.Тэйлор в 1968 г., но так и не могла привести достаточно убедительных доказательств, что отметила и Давидсон¹¹².

Странно было бы, если бы М.А.Тэйлор нашла какие-то доказательства! Ведь это все равно, что пытаться подобрать конкретный исторический прототип Ивану Царевичу из русских сказок только потому, что его личное имя находит параллели в реальных русских и западноевропейских именословах, и на этой основе начать уверять, например, что русский Иван Царевич скрывается под именем шведского короля Юхана III.

Но порождения утопической мысли наделены завидной способностью, отступив на время в тень, опять появляться на арене. Недавно литовский исследователь Т.Баранаускас, практически, реанимировал курьезную версию, согласно которой, Рёрик Метатель Колец может быть отождествлен с Рёриком Ютландским и в свою очередь, с летописным Рюриком¹¹³. И это невзирая на то, что между Рёриком Метателем Колец и летописным князем Рюриком зияет временная лакуна в

200 лет. Не говоря уже о том, что этот Рёрик у Саксона принадлежит к легендарной части его «Деяний данов», т.е. он герой вымышленный, литературный, а не историческое лицо.

В легендарной части «Деяний данов» Саксона Грамматика упоминается еще один Рёрик, через несколько поколений после Рёрика Метателя колец. Тогда вымерла мужская линия королевского рода, единственным королевским отпрыском оставалась дочь Гюрита, поэтому от большой нужды решили даны передать власть конунгов представителям некоролевского происхождения. Вследствие такого решения правителем в Сконе стал Эстмар (Østmar), на Зеландии – Хундинг (Hunding), Хане (Hane) получил Фюн, а Рёрик (Rørik) и Хадер (Hader) – Ютландию. Других сведений об этом Рёрике в «Деяниях данов» не приводится. Он упоминается еще раз только в связи с нападением Харальда Боезуба (Harald Hildetand) на Рёрика и Хундинга, которых Харальд победил и постепенно объединил Данию под своей властью. Харальд, согласно Саксону, не принадлежал по рождению королевскому роду данов. Родителями Харальда Боезуба у Саксона были сподвижник короля данов по имени Боркар и дочь короля норвегов Дрот. Харальд силой принудил датскую принцессу Гюриту стать его женой и таким образом, сделался законным членом королевского рода данов¹¹⁴.

Саксон Грамматик, как было упомянуто выше, открывает первую страницу в скандинавском историописании. Задачу своего произведения «Деяния данов», написанного на латыни, он так обозначил в первых строках: «В силу того, что другие народы (nationes) имеют обыкновение прославлять себя в героических картинах своей истории и радоваться, почитая память предков, то и духовный глава христиан в Дании Абсалон, который постоянно горел неутолимим желанием превозносить наше отечество, не мог вынести того, что наша страна все еще лишена исторической славы и своего монумента. Поэтому поручил он мне, ничтожнейшему из его служителей, после того, как многие другие отклонили его задание, написать историю Дании»¹¹⁵.

Следовательно, «Деяния данов» – это официальный заказ духовных властей Дании, что подтверждается и посвящением произведения архиепископу в Лунде Андерсу Сюнессону. Духовная власть со стабильной иерархией – лучший заместитель государственной власти в средневековый период в тех небольших западноевропейских странах, где складывание государственности носило замедленный характер. Официальный заказ всегда ставит конкретную цель – для «Деяний данов» цель была обозначена четко: создать историю данов от древнейших истоков и прославить в ней все значительное, героическое, выдающееся. И прежде всего воспеть наиболее видных представителей датской королевской власти и правителей другого ранга, которым удавалось хоть

на короткий срок собирать земли данов под одной рукой или же стяжать воинскую славу в удачливых иноземных походах.

И вот Саксон Грамматик составил перечень исторических личностей, составлявших славу и гордость датского народа. Но нет среди них ни одного Рёрика/Рюрика, который был бы известен Саксону как вершитель судеб древнерусской государственности. Его Рёрики циркулировали по Балтии между Ютландией и Курляндией с Земгалией и не далее того. Не добились Рёрики в «Деяниях данов» и каких-либо крупных успехов в объединении земель данов, также как, собственно, и другие правители данов IX в.

Стоит напомнить, что шведский историк Курт Вейбуль говорил о том, что с конца VIII в. даны играли немалую роль в франкских хрониках. Правитель саксов Видукинд бежал в 777 г. к королю данов Сигфриду. Но с 873 года франкские анналы, практически, перестают давать сообщения о внутренней истории данов. Однако около X в. мы располагаем рассказами Оттара и Вульфстана, из которых следует, что будущая Дания не представляла объединенного королевства и состояла из разрозненных владений, управляемыми мелкими правителями¹¹⁶.

Вот так, и к X в. среди правителей данов не отыскалось достаточно крупного политического деятеля, способного создать институт верховной власти в своих микроскопических владениях, если сравнивать их с русскими землями. Подобных правителей данов не знает не только Саксон Грамматик, но и хронисты Адам Бременский, Гельмольд, Генрих Латвийский. Равно как не знали их и западноевропейские писатели вплоть до расцвета готицизма, когда стала создаваться курьёзная историография выдуманных великих историй скандинавских стран в древности.

Как отметил шведский историк К.Юханнессон, Саксон Грамматик уже в средневековый период расценивался в образованных кругах Европы как первейший авторитет среди скандинавских историков, под влиянием которого развивалось датское историописание следующих веков. Зеландские хроники XIII в. и ютландские хроники XIV в. следовали, безусловно, Саксону. Когда шведский историк Эрик Олай в Упсале второй половины XV в. писал свою «Chronica regni Gothorum» или когда Альберт Кранц несколько десятилетий спустя в Гамбурге писал труды по истории саксов, вендов и скандинавских народов, то оба они черпали сведения из Саксона Грамматика¹¹⁷.

И никто из перечисленных столпов западноевропейской историографии вплоть до эпохи готцизма не пенял Саксону Грамматику за то, что у него нет описаний тех грандиозных походов скандинавов, выдуманных впоследствии скандинавскими представителями готицизма. Как отметил современный финский историк Латвакангас с некоторым разочарованием (он как раз, в отличие от Саксона, стремился выявить грандиозные походы скандинавов на восток Европы), у Саксона виден

явный интерес к восточноевропейским землям, поскольку писатель нередко «отправлял» туда своих героев. Кроме того, Саксон придавал значение междинастийным связям с восточноевропейскими правителями (этим, явно, и определялся интерес Саксона), но никаких данных о викингских походах на восток у Саксона нет¹¹⁸.

Герои по имени Рёрик встречаются, как известно, в различных произведениях норвежско-исландской литературы. В их числе можно назвать, например, легендарную исландскую генеалогию под названием «Langfedgatal»¹¹⁹, созданную в XIII в. по образцу легендарных англосаксонских генеалогий, но там дается простой перечень имен без каких-либо комментариев. Распространению сюжетов о Рёрике способствовали именно саги, такие, как «Сага о Хервёр» (Hervarasagan), «Сага о Скьёлдунгах» (Skjoldunga saga), «Фрагмент о некоторых древних конунгах во владениях данов и свеев» (Sögubrot af nokkrum fornkonungum i Dana- ok Sviaveldi) и др.

В этих сагах вымысел и приключенческие мотивы доминируют, историческое зерно выделить также сложно, как в любом литературном произведении, где за автором – неоспоримое право на художественную обработку создаваемых им образов. Но в русле готицизма вымышленные герои из различных версий мифических историй скандинавских конунгов в период с XVI – XVIII вв. получили сначала в скандинавских, а затем и в западноевропейских странах статус полноправных исторических личностей. Занимательные рассказы об этих «успешных» в легендарной истории скандинавских стран литературных конунгов, ласкавших национальное чувство скандинавов в гораздо большей степени, чем реальные руководители стран, стали обрабатываться в виде суммарного изложения и в обновленной форме разбредаться по учебникам и исторической литературе.

Вот как в концентрированном виде, извлеченный и скомпонованный из нескольких саг, излагался сюжет о конунге данов по имени Рёрик в шведской и датской исторической литературе XIX в. Там Рёрик, известный нам из Саксона, упоминался в рассказах о короле по имени Ивар Широкие Объяты. Об этом короле рассказывалось, что он где силой, где через брачные связи (женильба на датской принцессе Гюрите), сделался правителем данов в Сконе и на Ютландии, а также – у свеев в Упсале. Но захотелось ему утвердиться и на Зеландии, где в маленьком королевстве Лейре на севере острова правили два брата Хельге Деятельный (Helge den raske) и Рёрек Метатель Колец (Rörek Slungering). Рёрек большей частью оставался дома и занимался делами управления. О нем шла слава, что он во всем уступал своему брату Хельги («ansågs han i allting vara mindre man för sig än brodern» – «в сравнении с братом считался он незavidным мужиком»). У короля Ивара была красавица дочь Од (Ауд), достигшая брачного возраста. Оба брата сватались за Од, но мужем ее стал Рёрик, от

которого она родила сына Харальда, получившего прозвище Боезуб. Далее история развивалась по накатанному пути. Сначала король Ивар оговорил перед Рёриком его брата Хельги, якобы соблаздившего Од, и Рёрек убил Хельге, а затем Ивар заманил Рёрека в ловушку и убил его, а королевство присвоил себе. В датской литературе Рёрек также выступает как зять Ивара, но называется без прозвища, а просто как Рёрек из Лейре¹²⁰.

На примере этого сюжета о Рёрике очевидно, что в исландские саги перешли многие рассказы, составлявшие сюжетную основу «Деяний данов», а также других произведений датской литературы XII в. (например, «Chronicon Lethrense» или «Хроника конунгов из Лейре»), но перешли с изменением имен некоторых героев и с обрастанием событий новыми вариантами. Так, история о Рёрике Метателе Колец получает новый, литературно обработанный сюжет, повествующий о его незадачливой женитьбе на Од. У Саксона на датской принцессе Гюрите женится Харальд Боезуб, который и убивает мелкого правителя Рёрика, стоявшего на пути к объединению земель данов, а в исландских сагах супругом Гюриты становится король Ивар. Два Рёрика у Саксона сливаются в исландских сагах в один образ и т.д. В собраниях сказочных сюжетов подобные переходы и трансформации вполне в духе жанра. Какая разница, был ли король Ивар мужем принцессы Гюриты или нет, если никакого короля Ивара в реальной истории скандинавских стран не было вообще?

Современные скандинавские историки не относят к достоверным историческим источникам ни легендарную историю королей данов у Саксона Грамматика, ни легендарные истории королей Дании, Швеции и Норвегии из норвежско-исландской литературы.

«Труд Саксона – не историческое произведение. Это – мир увлекательных рассказов... Всего каких-нибудь лет сто тому назад Саксон рассматривался как важнейший источник по истории Дании древнего периода. Но у современной науки более критичный подход. Вся древняя или легендарная часть его труда не признается более датской историей. Доказано, что немалую часть материала он заимствовал из гуннской истории или из истории Англии для того, чтобы дать датскому королевству более древнюю историю», – пишет в предисловии в датскому изданию «Деяний данов» датский историк Д.Тамм¹²¹.

Та же самая оценка относится и к англосаксонскому эпосу, и к норвежско-исландской литературе. По словам одного из ведущих шведских медиевистов Д.Харрисона, практически все исследователи сейчас сходятся во мнении о том, что «Беовульф» – художественное произведение, которое немислимо использовать как исторический источник для изучения датской или шведской истории VI – VII вв. Таким же специфическим источником, подчеркивает Харрисон, являются скальдическая поэзия и саги, т.е. «Эдда», родовые саги, норвежско-

исландские королевские саги. Граница между реальностью и фикцией в них трудноуловима. Исландские саги были записаны несколько веков спустя после описываемых в них событиях. Прежде всего это касается «Саги об Инглингах», которая была записана Снорри Стурлусоном около 1230 года на основе древнескандинавского поэтического произведения «Перечень Инглингов» о древнешведском королевском роде в Упсале. Но мы не знаем, когда эта поэма была написана, и разные исследователи датировали ее в промежутке от X в. до XII в. Многие говорят за то, что весь перечень королей – книжный конструктив, не имеющий ценности исторического источника»¹²².

Но общеизвестно, что российские норманисты неизменно держатся за исландские саги как за исторический источник, что и понятно, потому что ничего другого у них нет. Но вот и мы тоже заглянули в исландские саги, нашли там персонажей по имени Рёрик, и что это нам дало? Как можно представленного выше неудачника, известного как Рёрик Ютландский, отождествлять с могучим образом князя Рюрика, с деятельностью которого в русской истории связывается начало захватывающего созидательного процесса политического и социального строительства гигантского масштаба?!

А Рёрик как злополучный зять короля Ивара еще более жалок, чем Рёрик Метатель Колец у Саксона Грамматика. Саксонов Рёрик хоть погиб геройской смертью, защищая наследие, оставленное ему отцом (сам-то он ничего не успел создать, погибнув в молодых годах). А Рёрик из исландских саг – правитель карликового владения того масштаба, которое точно характеризуется ироничным замечанием Г.Х.Андерсена в сказке «Свинопас»: «Королевство было у него маленькое-премаленькое, но жениться все-таки было можно», однако Рёрик и его упустил, простовато подставившись коварному тестю.

И самое главное. В датских исследованиях в области датского средневекового именослова, относительно имени Рёрик (Rørik) сказано совершенно определенно, что это имя не имело распространения в датском обществе вплоть до XIII в. В XIII в. в Дальби (Dalby), предместье Лунда был известен священник и каноник Рориктус (Rohrictus). В 1286 – 1319 гг. известен буржуа Якоб Рёрикс (Jacobi Røryks) в Роске (Rosk). 1423 г. – Джессе Рорик (Jesse Rorik) как прозвище. 1475 г. – Гертруда, урожденная Родеричи (Gertrud, f. Roderici), монахиня в Роске. Упомянут за 1603 г. Рёррик (Rørrick) в налоговых документах Лахольма (Laholm) – сейчас это муниципалитет в Швеции, в Халланде¹²³.

Таким образом, Рёрик, занимавшийся грабежами во Фризии в IX в., оказывается единственным даном, носившим это имя в IX в., и затем в последующие четыреста лет оно не зафиксировано ни у одного датчанина. Поскольку в окружении названного Рёрика больше никто этого имени не носил, то есть основание полагать, что это имя было у него прозвищем (см.

примеры выше) или взятым как дополнительное имя, поскольку имя Рёрик было весьма популярным в королевстве франков, как явствует из материала предыдущих глав.

Помимо этого имя Рёрик вплоть до XIII в. в датской среде функционировало только как литературный антропоним, а литературные именованные – явление совершенно особое. Они состояются творцами литературных произведений под влиянием многообразных импульсов идеологического, эстетического, воспитательного и пр. характера, для чего заимствуются прославленные имена исторических или литературных героев других народов. Поэтому литературный именованный часто предшествует именованному, принятому в обществе, хотя для того, чтобы личное имя сделалось общераспространенным, требуется, чтобы носителем имени литературного героя оказалась личность, прославившая свой народ действительными свершениями. Таких конкретно исторических Рёриков в датской истории не случилось.

Посмотрим теперь на норвежско-исландские именованные. Э.Линд также подчеркивал, что имя Рёрик относилось к редким именам в норвежско-исландской традиции имянаречения. Тем не менее, их явно больше, чем в датском именованном, что позволяет сказать, что в реальных датских средневековых именованных имя Рёрик было суперредким. Возможно, на западноскандинавскую традицию распространялось сильное влияние с Британских островов. На эту мысль наводят такие формы имени, зафиксированные в исландском источнике «Книге о Заселении Земли» (XIII в.) как *Rodrekr*, *Rodreks*, *Rodik(s)*, которые свидетельствуют о том, что эти имена пришли в западноскандинавские именованные с Британских островов, придя туда либо из римско-гальской традиции, либо в ходе миграций ругов и вильцев. Поскольку в этом же источнике имя *Hrórekr* зафиксировано в таких формах как *Hrerek* *Hrerøks*, *Rærekr*, *Hræreks*, что очень созвучно западнославянской форме имени Рерик (от рерик/сокол) и появилось, наверняка, из южнобалтийских именованных в ходе названных миграций. Хронологически эти имена в норвежско-исландской традиции – очень позднего происхождения. Кроме вышеназванных имен, Линд приводит такие формы, как *Rodikr* (1311-1312), *Røreker* (1424), *Rerics* (1426). И в этих поздних формах также видно влияние различных именованных с европейского континента, т.е. это имена заимствованные¹²⁴.

В норвежском королевском именованном встречается имя *Hrørekr* как имя одного из двадцати сыновей Харальда Прекрасноволосого. Он родился, предположительно, в конце IX в. и ничем себя не отметил. Известно только, что он большей частью находился при дворе своего отца¹²⁵. Поскольку данное имя больше не повторялось в династийном именованном Норвегии, логично предположить, что этого -надцатого сына короля Харальда нарекли именем, имевшим значение в династиях правителей на южнобалтийском побережье или на Британских островах,

планируя держать его в некоем династийном резерве с уже готовым подходящим именем на случай междинастийного брака. Но поскольку о нем нет других известий, кроме имени, то вероятно из этих планов ничего не получилось.

Теперь о Рюрике/Рёрике/Рурике в шведских именованных. Правда, вопрос о шведских кандидатах в основоположники древнерусской государственности окончательно закрылся после показа краха образа Рослагена как шведской прародины Руси в силу отсутствия этой береговой полосы в IX в. как феномена физической географии, возникавшего постепенно в результате подъема дна Балтийского моря¹²⁶. К этому хочется добавить слова профессионального геолога В.В.Юрковца о том, что в наше время не учитывать в исторических реконструкциях изостатическое восстановление Фенноскандии – это ничем не прикрытый срам невежества в основополагающем вопросе палеографии Северной Европы, имеющем первостепенное значение для ее археологии. Первостепенное потому, что скорость этого восстановления по геологическим меркам столь велика, что является своего рода «палеографическими часами» исторических событий на данной территории¹²⁷.

Однако норманисты так долго изнуряли науку рассуждениями о некоем шведском кандидате по имени Рюрик, что излишним будет рассмотреть и всех наиболее ранних шведских носителей этого имени. Сведения о них собраны в каталоге рунных личных имен¹²⁸.

Ниже перечисляются все носители имени Рюрик, зафиксированные на рунных камнях в Швеции. Это нетрудно, поскольку их очень немного, и все не ранее XI.

Ög 153 Восточная Гётланд (Östergötland), датировка XI в.

hruRikR risþi stain þansa aftiR fruþa auk asbaun suau sina

Современный шведский: Rörík (Rurik) reste denna sten efter Frode och Asbjörn, sina söner¹²⁹.

Перевод: «Рурик воздвиг этот камень в память Фроде и Асбьёрна, своих сыновей».

Sö 159 Сёдерманланд (Södermanland), датировка 1010 – 1040 гг.

: ikialtr : ak :aluiR : raisþu : stain : þansi : at :

þurbiurn : faþur : sin :

han uaistr hafR uf uaRit leki

rorikR · kumytr biu · kunlaifR hiuku runaR

Современный шведский:

"Ingjald och Alver reste denna sten efter Torbjörn, sin fader.

Han har länge varit västerut.

Rörík, Gudmund, Boe, Gunnlev höggo runorna"¹³⁰.

Перевод на русский: «Ингияльд и Альвер установили этот камень в память своего отца Турбьёрна. Он долгое время пробыл на западе. Рорик, Гюдмунд, Бу и Гюннлев высекали руны».

Sö 47, Сёдерманланд (Södermanland), датировка – христианский период.

[ry]...R : kiarþi : kuml : þat:si : eftiR : osmunt : sun : sin + han : is : krafín : o * ku... rauR uart : at : ryR:iks : sun

Современный шведский: «Rørik gjorde dette mindesmærke efter sin søn Asmund. Han er begravet på Gotland»¹³¹.

Перевод: «Рурик установил этот памятник своему сыну Асмунду. Он похоронен на Готланде».

Рунная надпись на этом камне комментировалась в статье Матса Бустрёма, где, в частности, отмечалось, что текстовая сторона камня не имела украшений, а на оборотной стороне был высечен крест. У Бустрёма приводился иной вариант перевода: «Рёрек воздвиг этот памятный знак по своему сыну Асмунду. Он похоронен в церкви»¹³². В данном контексте неважно, каков вариант перевода более точен: «в церкви» или «на Готланде». Но разные варианты перевода демонстрируют, что толкование рунной надписи – это реконструкция полустёртых знаков, когда догадки составляют большую часть перевода.

Предполагается, что в данной рунной надписи имя *Рурик* встречается дважды. Но для первого имени сохранились только две начальные и одна конечная буквы *ru...r*. Поэтому первое имя *Рурик* угадано по второму, написанному в родительном падеже. Но дважды повторенное имя *Рурик* придает фразе несколько странный характер. Поэтому вполне возможно, что первое имя было не *Рурик*, а например, *Руар* (это имя также встречается на рунных камнях), и тогда фраза получается следующая: «Руар воздвиг этот памятный знак по Асмунду, сыну Рурика. Он похоронен...».

Как было показано в предыдущих разделах, *Рурик* и *Руар* – это в сущности, имена, образованные от одного именного компонента, или вернее, разные формы одного и тоже древнего имени, образованного от основы *ру-*, разошедшейся по разным именословам во множестве вариантов (как в случае с библейскими именами *Иоанн* и *Мария*). Обе формы имени – заимствованные в скандинавских странах. *Руар* встречается в Норвегии раньше, чем в Швеции, соответственно, можно предположить, что эта форма имени распространялась в скандинавских странах с запада. *Рурик* – типично западнославянская форма, которая могла появиться в Швеции непосредственно с южнобалтийского побережья, поскольку как показывают датские и норвежско-исландские антропонимические исследования, у них имя *Rørik* фиксируется не ранее XIII в., т.е. отсюда это имя прийти не могло. Хочется еще обратить

внимание на начертание имени Рурик в рунах как *Ryrikr*, т.е. *Рурик*, а здесь можно читать и *Ририк* (вариант, известный в польско-чешских формах). В современных скандинавских текстах его постоянно пытаются писать как Rørik/Rörik. Это явная попытка «адаптировать» многообразие вариантов имени в рунных надписях к имени Рёрика из латиноязычных хроник, т.е. подтянуть желаемое к действительному.

U 413 Упланд, церковь в Норрсунде (Norrsunda kyrka). Датировка: камень, представляющий собой могильную плиту, положен в церкви, наиболее старинная часть здания которой относится к XII в. Предполагают, что на этом месте была более старая деревянная церковь, дат. концом XI в. Поэтому датировка – не ранее конца XI в.

**ulfr + lit kiara * merki * eftiR * iarut * sun * sin * en : biarn : ok * ruRikr
* eftiR * broður * sin ***

Современная реконструкция: «Ulv lod gøre mærke efter sin søn Jorund, og Vjørn og Rørik efter deres broder»¹³³.

Перевод: «Ульв велел поставить этот памятник своему сыну Йорунду, а Бьёрн и Рурик – своему брату».

Камень с рунной надписью представляет собой надгробие, положенное в притворе церкви в Норрсунде. Впервые эта могильная плита была описана в 1727 году О.Сельсиусом. Согласно его рассказу, в церкви в Норрсунде на полу в центральном проходе лежала могильная плита, на которой был выбит большой крест и ничего более. Потом ее перенесли и положили на полу перед ризницей.

При реставрации в 1902 г. камень был снова перенесен на новое место и положен в притворе церкви. При этом его замуровали в стену так, что надпись на нижней части сделалась невидна. Но в 1942 г. плиту положили на пол для того, чтобы надпись рунами предстала на всеобщее обозрение. На широкой части надгробия изображен крест, оформленный как орден Святого Георгия, стоящий на удлиненной опоре, утвердившей на сферической поверхности, долженствовавшей представлять могильный холм.

U 934 Упсала, Домский собор, датировка: приблизительно, XI в.

þoriR * auk * ryþikr * auk * karl * þaiR *

Современный шведский: Tore och Rørik (?) och Karl, de bröderna... ¹³⁴

Перевод: Торе и Рёрик(?) и Карл, эти братья...

Здесь следует обратить внимание на то, что имени Рурик в надписи нет, а есть *Ryþikr*. Шведские исследователи, естественно, размышляли, чтобы это значило. Высказывались, предположения, что за таким

написанием могло скрываться имя *Ryðingr* или *RøðingR*, но выяснилось, что эти имена не встречались в шведских рунных надписях. Только в документах от 1293 года несколько раз упоминалось имя *Røthingr*. Поэтому «большинством голосов» решили читать имя в надписи как *Rörik*, но с вопросительным знаком. Аргументация явно слабоватая, поскольку камень с фрагментом надписи был найден, вделанным в каменную церковную ограду, соответственно, надпись могли сделать и довольно поздно, поэтому необязательно сверять имя в этой надписи с другими рунными именами. Но тем, кто дешифровывал эту надпись (а эта часть рунного наследия издавалась в 40-е годы прошлого столетия), очень хотелось зафиксировать как можно больше шведских Руриков, пусть хоть и позднего периода.

Итак, если исключить имя *Ryřikr* из надписи в Домском соборе Упсалы, ибо его приписали к списку Руриков явно для подкрепления жидких рядов носителей этого имени в шведской истории, то получается всего четыре штуки, разбросанных там и сям на протяжении XI – XII вв. Конечно, это как минимум на столетие раньше, чем у датчан и норвежцев (если считать реальных людей, а не литературных героев), но в любом случае оно непреодолимо далеко от середины IX в., т.е. того времени, когда жил и действовал русский князь Рюрик. Кроме того, имя Рурик из рунных надписей, мелькнув в нескольких отдельных случаях, так и не закрепилось в шведских именованных. Неизвестно имя Рюрик в шведских именованных, т.е. среди календарных имен и до сего дня. О чем это говорит? Это говорит о том, что Рурик/Рёрик было случайным для шведского общества именем, носители которого не имели связи с историей шведского народа, и потому это имя воспринималось всегда как чужеродное в исторической шведской именованной традиции.

Это заморское имя заимствовалось отдельными представителями шведского общества в силу каких-то особых обстоятельств и не получало распространения за пределами семьи, поскольку ни один из его носителей не совершал ничего, что могло бы послужить предметом общенациональной гордости.

Например, Рурик с надгробного камня в Норрсундской церкви, украшенного орденом Святого Георгия, явно, принадлежал к семье, имевшей заслуги перед местной церковью. Поэтому естественного предположить, что его отец Ульв был преданным христианином и потому вполне мог выбрать для одного из своих сыновей редкое для шведа имя *Ruricus*, которое еще с римских времен было известно и в житийной литературе (Житие Святого Мартина), и среди представителей римско-галльской духовной знати, а затем и у духовных пастырей в королевстве франков. Имя-то *ruRikr* начертано как раз в традициях кельтского или римского написания *Ruricus*, а не как «древнегерманский» Хрюрик.

То же самое и с сомнительным «Руриком» из Упсалы. Наверняка, *ryþikr* в этой частично утраченной надписи соответствовал имени *Ryðingr/Røthingr*, которое в Швеции отмечено только с 1293 года, но зато в Дании оно зафиксировано как *Rothinger/Rotingaro*, лат. *Rothingerus* уже в 1177 г. При этом обращают внимание варианты, в которых имя *Rothinger* проявило себя у датчан. Так, вариантом этого имени является *Rogincer* (1186 г.) и *Rosengar* из датского песенного фольклора¹³⁵. Совершенно очевидно, что здесь имеет место чередование именных основ *roth-(ruth-)/rog-/ros-*, знакомое нам по Рюгенской именной традиции (не беря уж более широкие рамки). Поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что такие имена как *Rothinger/Rogincer* расходились по скандинавским именословам с Рюгена, причем это могло иметь место и задолго до того, как эти имена в латинизированной форме были зафиксированы в письменных документах. И оснований для такого предположения достаточно.

Заимствование имен и именных компонентов в скандинавские именословы было вообще необходимой частью историко-культурного развития стран Скандинавского полуострова. Уже в наиболее ранних шведских рунных надписях можно отметить имена, которые «пришли» в Швецию с южнобалтийского побережья. Например, на знаменитом рунном камне «Рёкстенен» (*Rökstenen*, Ög 136) из Восточной Гёталанд, который датируют первой половиной IX в., есть имя Варин (*Varin/uarin*). Варин – отец Вэмуда (*Væmodh/uamup*), в память которого он воздвиг камень с рунами. Шведский лингвист И.Модээр отмечал, что если имя сына Вэмуда в течение нескольких столетий прослеживалось в Восточной Гёталанд, то имя Варина встречается только раз и в этой надписи¹³⁶.

Но зато это имя хорошо известно на континенте и связано с этнонимом варинов в их миграциях. А.Г.Кузьмин писал о распространении этого имени в Европе: «Примечательно, что во всех германских языках зафиксировано собственное имя Вэринг – Веринг (*Waring, Waringa, Warenga, Wiering, Wiering, Wierenga*). У саксов это имя зафиксировано с IX в. (830, 860, 900 гг.) Встречается оно там и позднее, причем чаще всего в округе Корвейского монастыря. Примерно в то же время у них получает распространение имя *Werin* или *Warin*, а также *Werinza*...Большое количество аналогичных имен известно у фризов, позднее в Нидерландах, встречается оно и в Англии¹³⁷.

На рунном камне «Рёкстенен» есть еще два имени, на которые также стоит обратить внимание. Одно из них *Rugulfr* – совершенно определенно своим первым компонентом связано с этнонимом ругов. О миграциях ругов на Британские острова и о следах, оставленных этими миграциями, в том числе и в английском антропонимиконе, говорилось выше. В том числе упоминались такое личное имя, как Руген (*Rugen*).

В принципе, имя собственное, образованное от этнонима *руги*, могло прийти в шведский именослов как с южнобалтийского побережья, так и с Британских островов, поскольку второй компонент *-ulfr -olfr* был широко распространен во всех скандинавских именословах, но еще раньше был зафиксирован и в англосаксонской традиции, например, в названии эпоса «Беовульф». Однако с этим же вторым компонентом есть и такие имена, также образованные от этнонимов, например, *Gautulfr* от *gautar*, мн.ч. *götar*, т.е. от одного из этнонимов в Швеции *гёты*, или *Søxulfr/Saxulfr*, где первая часть – этноним сакс¹³⁸.

Без сомнения, имя *Ругульф* с рунного камня «Рёкстенен», установленного в центре шведской Гёталанд, имело распространение на южнобалтийском побережье и было гибридным по своему составу: первый компонент – от этнонима *руги*, второй – от германоязычного компонента *-ulfr -olfr(wolf)* со значением древнеевропейского тотема волка. Это предположение тем более оправданно, что *Ругульф* упоминается как отец конунгов, «сидевших» на Зеландии. Гибридность сложносоставных имен в средневековье было распространенным явлением: известны кельто-германские гибриды и т.д.¹³⁹.

Вторым именем с рунного камня «Рёкстенен», о котором интересно порассуждать, это имя *Радульф* (*Raþulfr*), упоминаемое в схожем контексте: как отец сыновей – конунгов, «сидевших» на Зеландии¹⁴⁰.

О первом компоненте в этом имени шведский языковед А.Янцён дает следующие сведения. *Ráð-* = древнесканд. *ráð* (совр. *råd*), ср.р. 'совет, решение, ум, помощь, выступать советником'. По наблюдениям Янцёна, именно элемент *Ráð-* и многие имена, содержащие его, расходились по другим скандинавским странам из Швеции, но большого распространения не получили. Янцён отметил, что этот компонент был зафиксирован только в нескольких норвежских, довольно редких именах, таких как мужские имена *Ráðgeirr*, *-ormr*, *-varðr*, помимо них было заимствованное из Швеции имя *Rámundr*. Но в Норвегии и Исландии эти имена встретились пару раз и быстро исчезли из именословов.

На европейском же континенте, подчеркивал Янцён, соответствия к имени *Ráðulfr* имели большое распространение, что давало повод некоторым шведским исследователям ономастики начала прошлого века, видеть в них также шведские заимствования. Но такие крупные шведские языковеды конца XIX – начала XX вв. как Отто фон Фриезен и Отто фон Фейлитцен показали, что эти имена, наоборот, пришли в Швецию с континента и полагали, что именно компонент *rad-* можно рассматривать как общегерманский¹⁴¹.

Таков был постепенный путь научной мысли от утопии рудбекианизма к более объективным научным взглядам. Для начала выяснили, что личные имена не шли со Скандинавского континента в Европу, а наоборот, с европейского континента – в скандинавские страны.

Но на этом процесс приостановился, поскольку для ученых, воспитанных на традициях готицизма, Европа ограничивалась древнегерманским миром.

А интересного в этом именном компоненте то, что он является намного более древним, чем весь германский мир, поскольку его корень восходит к древнейшему индоевропейскому корню *rt-*, образовавшему одно из ключевых понятий, известных из ведийской модели мира, *rta/rita* – основной закон мироздания. Этот изначальный термин, трансформируясь и переосмысливаясь в процессе разделения на новые этнические ветви того, что до сих пор принято именовать древней индоевропейской общностью, а сейчас можно уточнить, – гаплогруппы R1a, стал лоном для целого рода понятийных систем в различных индоевропейских языках, породил за тысячелетия как целый спектр важнейших понятий.

Основополагающая важность этих понятий выразилась и в том, что их лексическое выражение стало основой для рождения множества теонимов, антропонимов, носителями которых очень часто бывали царственные особы, топонимов, обозначавших важные населенные пункты – культовые центры, места пребывания правителей.

На южнобалтийском побережье это, прежде всего теоним Радигост в культовом центре Ретре, а также многочисленные Радегасты как главы вандало-вендских правящих родов: король вандалов в Италии Радегаст I (погиб в 405 г.), основатель династии королей вендов и ободритов Радегаст II, Радегаст – князь вендов и ободритов на острове Рюген¹⁴².

Другими вариантами антропонимов с основой *Rad-* могут служить такие имена, как имя Ратибор в княжеских династиях ободритов и поморян с соответствующими городами (или замками) – резиденциями как, например, Ратибор (Ратцебург) в земле Шлезвиг – Гольштейн, как имя представителя поморской знати Радослав, как имя королей фризов Радбода I (погиб в 719 г.) и Радбода II (втор. пол. VIII в.), как имя правителя Паннонской Хорватии Ратимира (перв. пол. IX в.). Древняя лексема *rt-/rta-* отразилась в имени Ротари (606 – 652 гг.), короля лангобардов, самоназванием которых было *винулы*.

В древнерусских именованных известны Ратмир/Ратша – дружинник Александра Невского, Ратиборы как тысяцкие и воеводы в русских городах, хазарский хан Ратмир из «Руслана и Людмилы», имя которого – поэтическое свидетельство того, что хазарские именованные пополнялись индоевропейскими именами таким же образом, как это было с именованными гуннских правителей. Таких примеров – великое множество, в них можно утонуть.

Немалое их количество зафиксировано и в зоне кельто-германских контактов, которую Л.Рюбекайль определяет как зону смешанной культуры, где донорами выступали представители кельтской общности¹⁴³. В галло-германском антропонимике периода IV – XII вв. имеются

различные варианты личных имен с основой *Rad-*, в частности такие, как *Ratbolda*, *Radboldus*, *Ratbald*, *Rabold*, *Radobertus*, *Ratgoz*, *Ratgozzus*, *Raagoz*, *Radefridus*, *Ratmar*, *Ratmarus*, *Radmund*, *Radoaldus* и др. Все эти имена сохраняют общую древнюю семантику «совет, договор», восходящий к идее глобального закона упорядочивания мира от Вселенной до общины и семьи. Но вся вышеупомянутая ключевая терминология для выражения вселенского закона *puma/apma/poma*, послужившая источником для множества антропонимов с основой *rad/pam/pom*, была создана в Восточной Европе, откуда, соответственно, эти антропонимы и стали распространяться на Запад.

Таким образом, имена *Varin*, *Rugulfr*, *Rapulfr* с рунного камня «Рёкстенен», показывают, что интенсивное заимствование антропонимов с южнобалтийского побережья на территорию современной Швеции может документироваться уже в первой половине IX в. Этот процесс продолжался и в позднее средневековье, о чем говорят имена *Rothinger*/*var.Rogincer* и Рурик/Рёрик. Для лучшей иллюстрации приведу историю некоторых шведских родов, где имя Рёрик появляется в еще более позднее время, но так и законсервировалось как семейная реликвия.

С конца XIII в. в некоторых именитых родах Швеции появляется имя *Rörik*, которым нарекаются отдельные представители данного рода в течение нескольких поколений. Так, в многодетной семье лагмана¹⁴⁴ Альгота III Брюньюлфссона (1228 – 1298/1302) из Западной Гёталанд одного из старших сыновей нарекли именем *Rörik Algotsson*. Поскольку имянаречение детей связано, чаще всего, с воспроизведением имен предков, то интересно посмотреть, какую предковую связь отражает имя Рёрика Альготссона.

Имена членов этой семьи, происходившие по мужской линии, можно проследить на более, чем на двести лет назад вплоть до легендарного основателя рода Фольке Фильбютера (кстати, имя Фольке, достаточно распространенное в Швеции и в наше время, согласно датскому исследователю Рикарду Хорнби, является заимствованием из немецкого¹⁴⁵). Мужской именослов рода был представлен такими именами как Ингевальд, Бенгт, Магнус, Биргер, Эскиль, Элоф, Петер, Карл, Густав и др. Ничего похожего на имя Рёрик среди родовых мужских имен не встречается.

Однако интересные для антропонимического анализа сведения содержатся в родословии матери Альгота III, которой являлась Ингегерд Свантеполксдоттер, дочь лагмана Свантеполка Кнутссона и его супруги из Восточной Померании (*Pommerellen* – “*Klein Pommeren*”). Свантеполк Кнутссон (*Swantepolk*, *Svatopluk*, Святополк) был сыном Кнута Вальдемарссона, герцога Ревельского, внебрачного сына датского короля Вальдемара Сейра и знатной шведской женщины. Таким образом, матрилateralным родством Рёрик Альготссон был накрепко связан с

южнобалтийским именованьем, от которого шли родословные узы во многие правящие дома Европы. Если матерью Ингегерд Свантеполксдоттер и прабабкой Рёрика Альготссона была дочь Святополка II Померанского, князя Восточной Померании (так по некоторым предположениям), то это родословие ведёт в древнерусские княжеские роды. Если же матерью Ингегерд была дочь графа Святополка I Померанского от брака с Ефросиньей Великопольской (так по другим предположениям), то эта родословная линия переплетена с западной частью южнобалтийского побережья, в том числе с Мекленбургским герцогским домом¹⁴⁶. Как бы то ни было, имя Рёрик пришло в род лагмана Альгота III вслед за именем Свантеполка/Святополка и должно было отражать именованные традиции по линии Ингегерд Свантеполксдоттер. Есть правда, еще одно предположение.

Лагман Альгот III пользовался расположением короля Магнуса Биргерссона (1275-1290), по крайней мере, в первые годы его правления. Он представлял интересы Магнуса в тяжбе короля с его старшим братом Вальдемаром. Вторым сыном Альгота был наречен именем Магнуса. И хотя имя Магнус встречалось и в роду Альгота, но вполне вероятно, что и имя шведского короля могло повлиять на выбор имени второго сына.

По крайней мере, по мнению Янцёна, имена популярных правителей становились нераздельной частью родовых именованьев скандинавских стран. Янцён приводит пример с именем Олафа/Олова (Óláfr) и поясняет, что необыкновенная популярность этого имени в Норвегии объяснялась, в большой степени тем, что носитель этого имени норвежский король Олав, погибший в 1030 г., получил статус общенорвежского святого, чье имя регулярно поминалось в церковной службе¹⁴⁷, т.е. прославился носитель имени Олафа, и имя Олаф с быстротой лесного пожара охватило все слои норвежского общества, чего не произошло с именем Рюрик – факт сам по себе достаточно красноречивый.

Таким образом, наречение сына в честь своего короля могло быть вполне естественным делом для преданного королевского слуги. Но тогда вполне возможно, что и наречение старшего сына лагмана Альгота именем Рёрика было вызвано желанием почтить супругу короля Магнуса, который был женат на Хедвиге, дочери графа Герхарда I Гольштейнского от его брака с Елизаветой Мекленбургской¹⁴⁸. Как известно, в мекленбургских генеалогиях такое имя как Рёрик/Рюрик встречалось еще в раннее средневековье.

Таким образом, в реальной жизни датского, норвежско-исландского и шведского обществ имя Рурика/Рёрика появляется очень поздно, с XI – XII вв. или с XIII в. и является скорее исключением, чем правилом в именовании, что свидетельствует о том, с этим именем не связывался какой-то прославленный в истории скандинавских стран исторический деятель, имя которого могло бы приобрести общескандинавскую

популярность. Не помог здесь и незадачливый грабитель Рёрик, которого норманисты величают Ютландским.

То же самое можно сказать о Рёриках, которые встречаются в скандинавской литературе средневекового периода. Ни один из них даже отдаленно не может служить прототипом для летописного князя Рюрика. Эти «прототипы» навязываются замешанной на рудбекианизме, т.е. ненаучной историографической традицией, которая готова предлагать любые нелепости, лишь бы убрать из исторического процесса исконные русские источники, согласно которым в 862 г. произошло призвание на княженье к ильменским словенам князя Рюрика и его братьев. Русская историческая мысль придерживалась вековой летописной традиции, согласно которой Рюрик и его братья приглашались как князья в княженье Словен в силу своих наследных прав, по причине отсутствия там прямых наследников мужского пола, а междинастийные связи шли по всему южнобалтийскому побережью.

В ПВЛ Лаврентьевской редакции, рассказывается, что власть придерживающие в княженье Словен, в котором институт надлокальной верховной власти на какое-то время перестал существовать («почаша сами в себе володети...»), приняли решение о призвании кандидата на княжеский престол («... реша сами в себе поищем себе князя...»), и согласно Никоновской летописи, долго обсуждали, приглашение какого из возможных кандидатов явилось бы оптимальным решение: «...поищем и уставим такового или от нас, или от казар, или от полян, или от дунайчев, или от варяг... таже совьщавшася послаша в варяги». Почему выбор пал на кандидата из варягов, разъясняет Воскресенская летопись, где читаем: «И в то время в Новегороде некой бе старейшина, именем Гостомысль, скончивает житие, и созва владалца сушая с ним Новаграда и рече: "Совет даю вам, да послете в Прускую землю мудрые мужи и призовёте князя от тамо сущих родов"».

Каким образом «тамо сущие роды» были связаны с княженьем Словен, мы узнаём из Иоакимовской летописи, в которой рассказывается о том, что «Гостомысл бе муж елико храбр, .. имел четыре сына и три дочери. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остася ни единому им сына, а дочери выданы быша суседним князем в жены...». Вещуны предсказали, что «имать наследовати от своих ему... Единою спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дсчере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий... Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: "От сынов ея имать наследити ему...». ПВЛ опускает детали обсуждения, приводя только его конечный результат: «...идаша за море к варягам к руси... реша русь, чудь [и] словени и кривичи вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володети нами»¹⁴⁹.

Если освободить эту фразу от утвердившегося смыслового искажения (отождествления «наряд» со словом «порядок» вместо «власть»), привнесённого А.Л.Шлёцером, то она логически завершает всю картину: представители княжества Словен отправляются в страну, где находятся намеченные кандидаты на их княжеский престол, и обращаются к ним с приглашением занять этот престол в силу отсутствия у них власти -наряда (или представителя власти – «нарядника») и в соответствии с правом и местом в ряду княжеского родословия на основе матрилateralной традиции наследования власти: приглашался внук своего деда по материнской линии.

Естественно, что русское историографическое богатство не могло остаться незамеченным средневековыми скандинавскими писателями и составителями генеалогий легендарных скандинавских правителей. Уже Саксон Грамматик писал много о междинастийных связях правителей данов с южнобалтийскими и древнерусскими князьями. Поэтому и имена прославленных вагрских, ободритских, древнерусских князей вовлекались в сферу историко-литературного творчества средневековых скандинавских писателей, становясь именами героев саг и других литературных произведений¹⁵⁰.

* * *

Итак, представленные здесь результаты исследования имени Рюрик со всей очевидностью показывают, что это имя не имеет скандинавского происхождения, соответственно, и базирующиеся на данном утверждении уверения норманистов о скандинавском происхождении летописного князя Рюрика являются беспочвенной фантазией, не имеющей научного значения. И тем самым выбивается несущая опора из всей норманистской «концепции» о якобы скандинавской династии Рюриковичей и ведущей роли скандинавов в создании древнерусской государственности.

¹ Грот Л.П. Политический миф норманизма // Научно-публицистический альманах «Русское поле». № 4/2013 – № 5/2014. С. 89-119; Фомин В.В. Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? // Образовательный и культурно-просветительский журнал «Государственность. Gosudarstvennost». 2013. № 1 – 2 (3 – 4). С. 118 – 149.

² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. М., 2005. С. 17-47; *его же*. Начальная история Руси. М., 2008. С. 11-13; *его же*. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 340-341 и др.

³ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // ВРВИ. М., 2010. С. 48, 51.

⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 318.

-
- ⁵ Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГВЕ 1998. М., 2000. С. 145-146.
- ⁶ Там же. С. 146.
- ⁷ Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сборник Русского исторического общества «Антинорманизм». Том №8 (156). М., 2003. С. 146-168.
- ⁸ Мельникова Е.А. Указ.соч. С. 148.
- ⁹ Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1980. S. 321-333.
- ¹⁰ Ibid. S. 324.
- ¹¹ О том факте, что имя Рюрика рассматривается за рубежом в тесной связи с именем Родерик, напоминал Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 27, 54.
- ¹² Janzén A. De fornvästnordiska personnamnen // Nordisk Kultur VII. Personnamn. Stockholm, Oslo, København, 1947. S.1-3.
- ¹³ Modeér I. Svenska personnamn. Lund, 1964. S. 12-35.
- ¹⁴ Janzén A. De fornvästnordiska personnamnen // Nordisk kultur VII. Personnamn. S. 79-80.
- ¹⁵ Danmarks gamle personnavne. Under medvirkning af Rikard Hornby. København, 1936 – 40. S. 1189-1190.
- ¹⁶ Шведский историк Курт Вейбуль, в частности, указывал, что этноним 'geater' из «Беовульфа» совершенно неправильно отождествлять со шведскими гётами. Он обращал внимание на то, что в сделанном по приказу Альфреда Великого англосаксонском переводе «Церковной истории народа англоv» Беды Достопочтенного этноним 'geater' используется для передачи латинского 'iuti', т.е. имени народа ютов. Кроме того, напоминает Вейбуль, эпос рисует *geатов* как народ морской, живущий на морском побережье, совершающий морские походы, например, в земли фризов, а всё, что известно о шведских гётах, не даёт оснований считать их морским народом. По его мнению, 'geater' из «Беовульфа» - это юты, а не шведские гёты (*Weibull K. Källkritik och historia: Norden under äldre medeltiden. Stockholm, 1964. S. 14-15*).
- ¹⁷ Janzén A. Op. cit. S.120-121.
- ¹⁸ Ганина Н. А. Готские имена: проблемы и интерпретации // Именослов. История языка и культуры. СПб., 2010. С. 44-46.
- ¹⁹ Schramm G. Op. cit. S. 324.
- ²⁰ Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 329-330; *его же*. Об этнической природе варягов // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 619-620; см. также Rudnicki M. Die Slaven, Kelten und Germanen in Bassin des Baltischen Meers zu beginn rer indoeuropaischan A're // Slavia oci-dentalis. T. XV. Poznan, 1936. S. 136.

-
- ²¹ Клесов А.А. Откуда появились кельты? // <http://pereformat.ru/2014/03/celts/>
- ²² Цветков С.В. Торговые пути. Корабли кельтов и славян. СПб., 2008. С.24-25; его же. Князь Рюрик и его время. СПб., М., 2012. С. 48-49.
- ²³ Byrne F.J. Irish Kings and High-Kings. Dublin, 2001.
- ²⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 268-270.
- ²⁵ Дробинский А.И. Русь и Восточная Европы во французском средневековом эпосе // Исторические записки. М., 1948. С. 104.
- ²⁶ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 48.
- ²⁷ Mallory J.P., Douglas Q. Adams. Encyclopedia of Indo-European culture. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. P. 491.
- ²⁸ Избранные жития святых, в Европейских и иных землях просиявших. Перевод Буровой А.А. М., 2011 // http://www.heiligenlexikon.de/Stadler/Ruricius_von_Limoges.html
- ²⁹ Stroheker K.F. Der senatorische adel im spätantiken Gallien. Tübingen, 1948. S. 209 - 210.
- ³⁰ Ruricii epistulae, ed. V.Krusch // MG AA VIII. Berlin, 1887. S. 299 ff.
- ³¹ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 268.
- ³² Stroheker K.F. Op.cit. S., 210, 236.
- ³³ Ростовский Дмитрий. Житие Святого Мартина Милостивого // Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Месяц октябрь. М., 1904. С. 290.
- ³⁴ Holder A. Alt-Keltischer Sprachschatz. Zweiter band. Leipzig, 1922. S.1086, 1249.
- ³⁵ Flodoardi Annales // MGH, SS. Bd. IV. Hannover, 1836.
- ³⁶ Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI au XII siècle. Paris, 1968. P. 10-11, 191.
- ³⁷ Марцелин Аммиан. Римская история (Res Gestae). Перевод с латинского Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни. Издание третье. СПб., 2000. С. 263-266.
- ³⁸ Regesta alsatiae aevi Merovingici et Karolini. 496 -918. Quellenband. Bearbeitet und herausgegeben von Dr. Albert Bruckner. Strasbourg –Zürich, 1949. S. 280- 281.
- ³⁹ Байер Г. З. О варягах // Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 348.
- ⁴⁰ Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 268- 270.
- ⁴¹ Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих // ВРВИ / Серия «Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 2. М., 2010. 526.
- ⁴² Феодорит Кирский. Церковная история. СПб., 1852 / Переиздана с примечаниями М.А.Тимофеева. М., 1993.
- ⁴³ Азбелев С.Н. Устная история. С. 40 - 42.
- ⁴⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 88.
- ⁴⁵ ПВЛ. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Лихачева Д.С. / Под редакцией В.П.Адриановой-Переца. 3-е издание. СПб., 2007. С. 107.
- ⁴⁶ Янин В.Л. Указ.соч. С.399.

-
- ⁴⁷ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 42-46.
- ⁴⁸ Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // ВРВИ. С. 542-543.
- ⁴⁹ Азбелев С.Н. Указ. соч. С. 81.
- ⁵⁰ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 15-17.
- ⁵¹ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами / Перевод, статья, комментарий А.А.Чекаловой. М., 1993. С. 172-182.
- ⁵² Shore Th.W. Rugians, Wends and Tribal Slavonic Settlers // Origin of the Anglo - Saxon race. London, 1906. P. 84-102.
- ⁵³ Hampson R.T. An Essay on the Geography of king Alfred the Greate / J. Bosworth (ed.) King Alfred's Anglo-Saxon version of the compendious History of the world by Orosius. London, 1859. P. 41.
- ⁵⁴ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. СПб., 2013. С. 62-65.
- ⁵⁵ Šafařík P.J. Slovanske starožitnosti. Praze, 1863. S. 608-609.
- ⁵⁶ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. СПб., 2013. С. 104- 105, 121.
- ⁵⁷ Алексеев С.В. Славянская Европа VII – VIII вв. М., 2007. С. 446- 480.
- ⁵⁸ Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar / Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Stockholm, 1984. S. 77, 145.
- ⁵⁹ Einhards Jahrbücher. Nach der Ausgabe der Monumenta Germaniae übersetzt von Dr. Otto Abel. Berlin, 1850. S. 110.
- ⁶⁰ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stamme zwischen Oder / Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 19.
- ⁶¹ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 354.
- ⁶² Пауль А. Варины, которых называли ободриты // <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/>
- ⁶³ Топоров В.Н. Ук. соч.; Jakobson R. Selected writing. VII. Berlin, 1985. P. 49 -53.
- ⁶⁴ Гильфердинг А.Ф. Указ.соч. С. 243- 244.
- ⁶⁵ Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славян – руссов до рюриковского времени в особенности. Вып. 2. М., 1854. С. 21- 22.
- ⁶⁶ Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской хронике» Яна Длугоша. С. 225-226.
- ⁶⁷ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005. С. 175-180.
- ⁶⁸ Венелин Ю.И. О происхождении славян вообще и россов в особенности // Сборник РИО «Антинорманизм». Т.8 (156). М., 2003. С. 47.
- ⁶⁹ Азбелев С.Н. К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 7. Часть II. М., 1994.
- ⁷⁰ Lexikon altillyrischer personennamen. Bearbeitet von Hans Krahe. Heidelberg, 1929. S. 58 -59.

-
- ⁷¹ *Morlet M.-Th.* Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI au XII siècle. II. – Les noms latins ou transmis par le latin. Paris, 1972. P. 68.
- ⁷² *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005. С. 619.
- ⁷³ *Топоров В.Н.* Рарог // Мифологический словарь / Гл. ред. Мелетинский Е. М. М., 1990
- ⁷⁴ *Иванов Вяч Вс., Топоров В.Н.* Славянские моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 140-141.
- ⁷⁵ *Топоров В.Н.* Ук. соч.; *Jakobson R.* Древнеармянский вахагн в свете сравнительной мифологии // *Jakobson R.* Selected Writing. VII. Berlin, 1985. P. 49-53.
- ⁷⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Указ.соч. С. 243- 244.
- ⁷⁷ *Jakobson R.* Ibid. P. 49-53.
- ⁷⁸ *Jakobson R.* Svarog and his Iranian Prototype. Slavic Gods of Iranian Background // *Roman Jakobson.* Op.cit. P. 24-30.
- ⁷⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Указ.соч. С. 354.
- ⁸⁰ *Афанасьев А.Н.* Баснословные сказания о птицах // Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т.1. С. 248-262.
- ⁸¹ *Jakobson R.* Древнеармянский вахагн в свете сравнительной мифологии. P. 49-53.
- ⁸² *Jakobson R.* Древнеармянский вахагн... P. 51; *Jakobson R.* Svarog and his Iranian... P. 27-28.
- ⁸³ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дажьдбог // Славянская мифология. М., 1995. С. 153-154.
- ⁸⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Указ.соч. С. 244- 245.
- ⁸⁵ *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Боги и герои Древней Греции. Харьков, 2009. С. 136-137.
- ⁸⁶ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. VII. Книга 2. М., 1988. С. 195.
- ⁸⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Указ.соч. С. 245.
- ⁸⁸ *Рапов О.М.* Знаки Рюриковичей и символ солнца // Сборник РИО. Том №8 (156). М., 2003. С. 134.
- ⁸⁹ Полный церковно-славянский словарь. Составил Григорий Дьяченко. М., 1993. С. 845.
- ⁹⁰ *Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность. Форма. Развитие. М, 2006.
- ⁹¹ *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1985. С.46.
- ⁹² *Fryxell A.* Berättelser ur svenska historien. Första delen. Stockholm, 1909. С. 126.
- ⁹³ Ibid. S.59.
- ⁹⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Л.А.Хетагурова, редакция и примечания А.А.Семенова. М.-Л., 1952. Т.1, кн.1. С. 100.

-
- ⁹⁵ Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001; его же. Рюрик. М., 2010.
- ⁹⁶ Bröndsted J. Vikingarna hemma och i härnad. Stockholm, 1992. S. 40-41;
Roesdahl E. Vikingernes verden. København, 2001. S. 211-212.
- ⁹⁷ Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сб. РИО. Т. 8 (156). М., 2003. С.95-98.
- ⁹⁸ Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005. С.226.
- ⁹⁹ Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 348.
- ¹⁰⁰ Пятецкий Л.М. Справочник по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1995, с. 11; его же. История России для абитуриентов и старшеклассников. Изд. 3-е. М., 1996. С.47
- ¹⁰¹ Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси. Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М., 2011. С. 65-66.
- ¹⁰² *Adam av Bremen*. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar / Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Stockholm, 1984. S. 36-45.
- ¹⁰³ *Saxo*. Danmarkskrøniken 1. Genfortalt af Helle Stangerup. Aschehoug, 1999. S. 347 -360.
- ¹⁰⁴ *Roesdahl E*. Vikingernes verden. København, 2001. S. 294.
- ¹⁰⁵ *Ibid*. S. 287-300.
- ¹⁰⁶ *Lind J*. «Vikings» and the Viking Age // Висы дружбы / Сборник статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011. С. 201-222.
- ¹⁰⁷ Bröndsted J. Vikingarna hemma och i härnad. Stockholm, 1992, s. 40.
- ¹⁰⁸ Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С.71
- ¹⁰⁹ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 74.
- ¹¹⁰ *Königsfeldt J.P.F*. De nordiske rigers kongeslægter. Kjøbenhavn, 1856. S. 4-5.
- ¹¹¹ *Saxo*. S.113-115.
- ¹¹² *Davidson H.E*. Edition and Commentary // Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Books I – IX. D.S.Brewer, Cambridge. Volum II, p. 58.
- ¹¹³ *Baranauskas T*. Saxo Grammaticus on the Balts // Saxo and the Baltic Region. A Symposium, edited by Tore Nyberg. Odense, 2004. P.63-79.
- ¹¹⁴ *Saxo*. S. 271-281.
- ¹¹⁵ *Ibid*. S. 16.
- ¹¹⁶ *Weibull K*. Källkritik och historia. Stockholm, 1964. S. 35-36.
- ¹¹⁷ *Johannesson K*. Saxo Grammatikus. Komposition och världs bild i Gesta Danorum. Stockholm, 1978. S. 7-8.
- ¹¹⁸ *Latvakangas A*. Riksgrundarna. Turkku, 1995. S. 73-74.
- ¹¹⁹ Langfeðgatal til konunga norðrlanda // Árni Magnússon Institut for Icelandic Studies Manuscript – Alfrædi Islenzk. Islensk encyklopædisk litteratur. København, 1917.

-
- ¹²⁰ *Königsfeldt J.P.F.* Op.cit. S. 5; *Fryxell A.* Berättelser ur svenska historien. Stockholm, 1909. S. 65-69.
- ¹²¹ *Tamm D.* Inledning // Saxo. Danmarkskrøniken. S. 10-11.
- ¹²² *Harrison D.* Sveriges historia. Stockholm, 2009. S. 21-23.
- ¹²³ Danmarks gamle personnavne / Udgivet af *Gunnar Knudsen* og *Marius Kristensen* under medvirkning af *Rikard Hornby*. I. Fornavne. København, 1936 – 40. S. 1188-1189.
- ¹²⁴ Norsk-isländska dopnamn ock fingerade namn från medeltiden. Samlade ock utgivna av E.H.Lind. Uppsala-Leipzig, 1905 – 1915.S.194-195.
- ¹²⁵ *Königsfeldt J.P.F.* Op.cit. S. 110.
- ¹²⁶ См.: *Гром Л.П.* О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии. С. 328-352.
- ¹²⁷ *Юрковец В.П.* Комментарий // <http://pereformat.ru/2013/07/normanism-roslagen/>
- ¹²⁸ *Peterson L.* Nordisk runnamnslexikon. Uppsala, 2007. S. 123.
- ¹²⁹ Östergötlands runinskrifter // SRI, band 2. Uppsala, 1911 – 1918. S. 144-145.
- ¹³⁰ Södermanlands runinskrifter // SRI, band 3. Uppsala, 1924 – 1936. S. 120-121.
- ¹³¹ Ibid. S. 36-37.
- ¹³² *Buström M.* Forntida bruk av det förflutna. Tankar kring ett röse med runsten i Södermanland // Fornvännen 89. Journal of Swedish antiquarian research. Stockholm, 1994. S. 77-81.
- ¹³³ Upplands runinskrifter // SRI, band 7. Uppsala, 1943 – 1946. S. 190-191.
- ¹³⁴ Upplands runinskrifter // SRI, band 9 . Uppsala, 1953 – 1958. S. 32-33.
- ¹³⁵ Danmarks gamle personnavne. S. 1184.
- ¹³⁶ *Modéer I.* Svenska personnamn. Lund, 1964. S.15.
- ¹³⁷ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. С. 226.
- ¹³⁸ *Janzén A.* Op.cit. S.111-112.
- ¹³⁹ *Ганина Н.А.* Готские имена: проблемы интерпретации // Именослов. История языка. История культуры. СПб., 2010. С. 46-63.
- ¹⁴⁰ *Lindquist I.* De urnordiska personnamnen // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, Oslo, København, 1947. S.9-1.
- ¹⁴¹ *Janzén A.* Op.cit. S. 87.
- ¹⁴² Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005.
- ¹⁴³ *Rübekel L.* Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen Kelten und Germanen. Wien, 2002.
- ¹⁴⁴ Лагман – председатель областного тинга/собрания – органа судебной и исполнительной власти в средневековой Швеции. Лагман в тот период был одним из высших должностных лиц.
- ¹⁴⁵ *Hornby R.* Fornavne i Danmark i Middelalderen // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, Oslo, København, 1947. S. 203.

¹⁴⁶ Svenska personnamn från medeltiden. Antecknade och ordnade av Magnus Lundgren, Erik Brate, E.H.Lind // De svenska landmålen och svenskt folkliv. Tidskrift. Tionde bandet. Stockholm, København, Lund ock Uppsala. 1934. S. 212; *Königsfeldt J.P.F.* De nordiske rigers kongeslægter. Kjøbenhavn, 1856. S. 21-26.

¹⁴⁷ *Janzén A.* Op.cit. S.109.

¹⁴⁸ *Lagerqvist L.O.* Sverige och dess regenter under 1000 år. Norrtälje, 1976. S. 75.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926. С. 19; там же. Т. IX. М., 1965. С. 8-9; там же. Т. VII. СПб, 1856. С. 262; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. С. 108-110 // Собрание сочинений. М.,1994. Т. I –VIII.